

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2012 № 3

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

Круглый стол «Справедливость в городском пространстве» ... 3

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

***Стризов А. Л.* Справедливость как принцип организации
цивилизационного пространства города ... 23**

***Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А.*
Социотехнические аспекты городской справедливости ... 33**

ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ГОРОД И ЭКОЛОГИЯ

***Макаров А. И.* Проблема эстетической и экологической
справедливости в городе ... 43**

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

***Птичникова Г. А.* «Несправедливый город»: городское пространство
как отражение общественных отношений ... 47**

***Ягодина Д. С.* Проблематичность справедливости столичного города
в русской культуре XIX–XX веков ... 55**

АВТОРАМ

***Условия приема статей в редакцию и требования к авторским
оригиналам ... 62***

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиков,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
д-р техн. наук, проф. **В.Г. Диденко**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренков,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Слышкин,
нач. РИО **М.Л. Песчаная**

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2011

© Потокина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENTS

A round table "Justice in the space of city" ... 3

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

**Stizoe A. L. Justice as a principle of a city civilized
space organization ... 23**

**Kuznetsov A. G., Shaytanova L. A. Socio-technical aspects
of urban justice ... 33**

TECHNOSPHERE OF THE MODERN CITY: CITY AND ECOLOGY

Makarov A. I. Problem of aesthetic and ecology justice in city ... 43

HUMAN IN CONTEMPORARY CITY

**Ptichnikova G. A. "Unfair city": urban space as a reflection of public
relations ... 47**

**Yagudina D. S. The problematic of equity of the capital city in Russian
culture in XX–XIX centuries ... 55**

INFORMATION FOR AUTHORS

**Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 62**

Вниманию авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2012 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25, 96-99-96

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology>)

В апреле 2012 г. в редакции журнала «Социология города» прошло заседание круглого стола на тему «Справедливый город». На обсуждение были выдвинуты вопросы, касающиеся принципа справедливости как общего нравственного знаменателя всех социально упорядоченных отношений в жизни горожан. Третий номер журнала целиком посвящен публикации материалов круглого стола.

Редакция

Круглый стол «Справедливость в городском пространстве»

Навроцкий Борис Александрович — доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социология города»:

Уважаемые коллеги, на протяжении нескольких месяцев редакционная коллегия журнала «Социология города» при активной поддержке администрации вуза и ректора Сергея Юрьевича Калашникова готовила конференцию в формате круглого стола, посвященную проблеме справедливости в жизни современного города. Сегодня вся подготовительная работа проделана, мы можем открыть наше заседание и представить его участникам:

Азаров Валерий Николаевич — доктор технических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Антюфеев Алексей Владимирович — кандидат архитектуры, профессор, ВолгГАСУ;

Артюхович Юлия Васильевна — доктор философских наук, профессор, ВолгГТУ;

Беляев Михаил Константинович — доктор экономических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Барковская Анна Юрьевна — кандидат философских наук, доцент, ВолгГАСУ;

Боровик Виталий Сергеевич — доктор технических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Диденко Василий Григорьевич — доктор технических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Коваль Вячеслав Эдуардович — народный художник РФ;

Кузнецов Андрей Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент ВолГУ;

Макаров Андрей Иванович — доктор философских наук, доцент, ВолГУ;

Максимчук Ольга Викторовна — доктор экономических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Мензелинцева Надежда Васильевна — доктор технических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Назарова Марина Петровна — кандидат философских наук, доцент, ВолгГАСУ;

Олейников Петр Петрович — кандидат технических наук, доцент, ВолгГАСУ;

Пилипенко Виктор Алексеевич — кандидат философских наук, профессор ВАГС;

Полосухин Владимир Александрович — старший консультант Волгоградской областной думы, советник госслужбы 1 класса;

Поляков Владимир Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор ВолгГАСУ;

Птичникова Галина Александровна — доктор архитектуры, профессор, ВолгГАСУ;

Сидоренко Владимир Федорович — доктор технических наук, профессор, ВолгГАСУ;

Стризов Александр Леонидович — доктор философских наук, профессор, ВолГУ;

Шайтанова Людмила Андреевна — студентка ВолГУ;

Шелекета Владислав Олегович — доктор философских наук, доцент Волгоградского филиала РГТЭУ;

Ягудина Дина Сергеевна — студентка ВолГУ.

А теперь разрешите предоставить слово ректору ВолгГАСУ доктору технических наук, профессору Сергею Юрьевичу Калашникову.

Калашников С. Ю.:

Приветствую вас здесь, на нашей территории! Хочу сказать, что тема круглого стола чрезвычайно актуальна. Все города, начиная с античных полисов и заканчивая современными городами-поселениями, — это места, в которых живет и взаимодействует большое количество людей. Успех их жизни в значительной степени зависит от того, какой порядок установлен в том или ином городе. Если этот порядок справедлив, то жизнь успешна. Я надеюсь, что результаты вашей работы будут полезны не только ученым, но и тем, кто исполняет властные полномочия, а также студенческой молодежи, которая в недалеком будущем будет определять вектор всей нашей жизни.

Желаю вам успешной работы.

Навроцкий Б. А.: Уважаемые коллеги! Разрешите продолжить заседание круглого стола и уделить внимание причинам, по которым тема справедливости стала сегодня предметом дискуссии. Дело в том, что в последние десятилетия в России и за рубежом наконец-то стали оценивать справедливость так, как она этого заслуживает — как универсальную норму, которая регулирует жизнедеятельность общества, социальных групп и отдельных индивидов. На Западе, и особенно в Европе, где в течение столетий пытались урегулировать все аспекты жизни только правовыми нормами, убедились, что это невозможно. Право без справедливости — как растение без корней. Оно нежизнеспособно. В жизни укореняется и имеет перспективы только то, что является справедливым, а остальное раньше или позже исчезает.

Важно заметить, что чувство справедливости и, соответственно, несправедливости является кумулятивным, проще говоря, сохраняется и накапливается. Накопительный период является латентным, довольно длительным, и поэтому иногда кажется, что люди ничего не замечают и все стерпят. Но это не так. В природе действует закон: если нечто достигает критической массы, то происходит взрыв. И этого не избежать. Это необходимо учитывать во всех социальных программах и сферах деятельности. Высказанные соображения позволяют понять цель нашей дискуссии — обнаружить и обсудить те «болевы точки» жизни города, где нормы справедливости не выполняются или выполняются не в полной мере. Для Волгограда это те же вопросы, что и для России в целом: это справедливая организация городского пространства, экономическая и политическая справедливость, экология города и ее приемлемость для жизни горожан. Мы должны с полной уверенностью сказать, что все эти проблемы не решены полностью ни в Волгограде, ни в России. Да и как они могут быть решены, как можно достичь, например, экономической справедливости, если экономический индекс — показатель различия доходов богатых и бедных — достигает у нас 36, тогда как 8 — критически опасная ситуация, которая близка к взрыву! Как может быть справедливой и удобной жизнь, если каждый год Волгоград теряет 20 тысяч населения и депопуляция, несмотря на все принимаемые меры, продолжается? Если говорить об экологии, то и здесь ситуация непростая.

Мы обсуждаем сегодня проблемы справедливости исключительно для того, чтобы не допустить еще одной революции в России. Пушкин, наш гений на все времена, написал об этом очень метко. Характеризуя высшую историческую несправедливость — наполеоновское нашествие, — он написал так: «Гроза двенадцатого года настала. Кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима или русский Бог?» [Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М., 1975. С. 176]. «Остервенение» — это очень меткая характеристика народа, лишенного справедливости. Этой запредельной точки достигать нельзя. Россия от этого уже настрадалась.

Несколько слов о содержании работы. Мы вынесли на круглый стол несколько тем: справедливая организация городского пространства, в котором мы живем, экономическая справедливость, политическая справедливость и справедливость в экологии. Развернутые тексты основных докладов будут опубликованы в виде отдельных статей, а их краткое устное изложение — в материале дискуссии.

А теперь разрешите предоставить слово первому докладчику — Галине Александровне Птичниковой. Тема ее выступления касается справедливого города в контексте организации архитектурного пространства.

Птичникова Г. А.: Спасибо, Борис Александрович! Мне представляется, да и не только мне, что архитектура дает наиболее точный диагноз состоянию общества. Чтобы сказать, каков народ, каково состояние его развития, достаточно поглядеть на города и архитектуру этого народа. В целом, как историк и теоретик архитектуры, я могу рассказать о городе, о том, как он формируется, какова его структура, и оценить это с позиции теории справедливости. Моя позиция такова: город всегда несправедлив. В истории мы не встретим ни одного примера, когда городское пространство или городская архитектура показали бы полную справедливость. Напротив, в истории масса примеров несправедливости города. Было много лозунгов, намерений сделать справедливым общество и город. Тем не менее, история показывает, что все попытки, такие как фаланстеры Фурье или, например, поселения, которые построил Оуэн в штате Индиана США, провалились.

Размышляя о справедливости в городском пространстве, мне кажется, стоит выделить два критерия ее оценки. Первый — это открытость и доступность, отсутствие границ для разных слоев населения, безбарьерность. Потому что барьеры — это всегда препятствия, это всегда выраженное неравенство. Одному можно — другому нельзя. Широким слоям нельзя — отдельной верхушке можно. И если мы опять обратимся к истории, то увидим массу таких примеров. Например, в Древнем Египте стена разделяла город на части, в одной жили свободные люди, в другой рабы. Или другой принцип разделения городского пространства стенами — Запретный город в Китае, когда, наоборот, нельзя попасть в райское место. В современном российском обществе нечто подобное представляют резервации для богатых, вроде Рублевки, которая тоже отгораживается от всего окружающего мира и становится отдельным анклавом.

Если говорить о современных российских городах, то эта полярность в них увеличивается. Это особенно видно на примере Москвы в течение последних двадцати лет: происходит деление города шлагбаумами, какими-то перегородками, возникают запреты на посещение тех или иных мест... Чтобы попасть из одного места в другое, приходится добираться окружным путем. С точки зрения архитектурного, городского пространства это есть диагноз того, что наше общество становится все более и более несправедливым по отношению к своим членам.

Второй критерий справедливости — это баланс в иерархичности городских пространств, то есть в разделении на общественное и индивидуальное. Когда мы с Борисом Александровичем предварительно разговаривали о предстоящем круглом столе, то вспомнили советский город и понастальгировали по обширным общественным пространствам, которые он предоставлял населению. Правда, отдельно нужно вспомнить, что индивидуальное пространство, индивидуальные потребности были

подавлены, ущемлены в пользу общественных. А сейчас маятник качнулся в другую сторону, можно сказать, что сегодня общественное пространство стало жертвой частных интересов. И это проявляется в том, что общественные территории захватываются. Возьмем площадь перед железнодорожным вокзалом. Еще в 1990-е годы она пала под желанием извлечь из этой территории как можно больше выгоды: частная стоянка автомобилей, торговые павильоны... Точно так же идет захват общественного пространства тротуаров, когда магазины «выходят наружу». Сейчас мы видим дисбаланс между частным и общественным потому, что общество оказалось не готово к такому захватническому поведению.

Мне кажется, что удовлетворительные примеры справедливого города можно отыскать среди городов Швеции — Стокгольм, например. Там изначально пронцаемость и безбарьерность поставлены в основу формирования городского пространства. Все жители имеют право проходить там, где они хотят проходить. Они могут пройти, в том числе, и в Дом правительства к любому чиновнику в любое время, и никакие охранники и шлагбаумы не перекроют им движение.

Или, например, такой показатель справедливости городской среды, как возможность пользоваться природными ресурсами. В Швеции любой человек может реализовать свое право отдыхать на природе. Природа — национальная, она принадлежит нации. А у нас происходит захват природных участков под какие-то частные учреждения. Конечно, и в Швеции есть свои недостатки и кое-что можно критиковать. Но мне кажется, что шведская организация городского пространства может являться примером.

Подвожу черту под своим выступлением: пока человеческое общество несовершенно и несправедливо, эта несправедливость городом отразится, материализуя в преувеличенной форме социальную несправедливость.

Навроцкий Б. А.: Спасибо, Галина Александровна. Какие вопросы?

Коваль В. Э.: По Вашему мнению, кто может помочь нам в этой ситуации?

Птичникова Г. А.: Хороший вопрос. Конечно, должна быть продуманная политика регулирования общественного и индивидуального. Сейчас Россия переживает довольно сложный период. Время перемен занимает не несколько лет, а десятилетия. Нужно искать согласие между частным и общественным, конечно, с помощью широкого обсуждения. У нас институт общественного обсуждения с привлечением населения не сформирован: нет четких процедур, публичные слушания очень часто превращаются в мероприятия формального характера. Мне кажется, что надо больше внимания уделять изучению общественного мнения, и я очень благодарна организаторам за этот круглый стол, хотя, может быть, тут собрались больше ученые, а представители власти, которые должны все это услышать, отсутствуют...

Навроцкий Б. А.: Архитектор может что-то сделать, чтобы идеал справедливого города реализовался в Волгограде?

Птичникова Г. А.: По моему мнению, архитектор в настоящее время превратился в некое сервильное лицо, обслуживающее заказчика. Поэтому абсолютно нереалистично считать, что архитектор может стать вторым Данко, который вырвет свое сердце, пойдет впереди всех и выведет народ к справедливым рубежам.

Полосухин В. А.: Я участвую в подготовке закона о взаимодействии органов государственной власти и социально активных граждан. Его автором является Овчинцев Владимир Петрович. Скоро проект этого закона — 2212 УД — будет готов. Это говорит о том, что у нас появляется возможность выходить к власти с конкретными социально ориентированными проектами, в том числе и по архитектуре города. Такой закон позволяет получать госзаказы на обустройство города и участвовать в разработке областной и городской сырьевой программы. Хорошо бы, чтоб этот закон побыстрее заработал.

Стризов А. Л.: Уважаемая Галина Александровна, у меня есть три вопроса. Вы совершенно справедливо говорили о проблеме доступности пространства, но ведь

она не только возникает из-за конъюнктурно-политических факторов, но зачастую дается исторически — в виде планировки городов. Как решать те проблемы, которые достались нам от истории? Второй вопрос: мобильная связь сделала пронизаемым наше пространство, но очевидно, что доступность связана также с развитием транспорта. Какие здесь вы видите проблемы как архитектор? И, наконец, третий. Губернатор объявил об амбициозных планах реконструкции набережной, аргументируя необходимость этого тем, что набережная и прилегающие зоны должны быть доступны. Каково Ваше отношение к этим проектам?

Птичникова Г. А.: Спасибо. Вопросов много и по каждому можно говорить долго. Я начну с вопроса о набережной. Тут у меня есть собственное мнение. Что в настоящее время представляет собой набережная с точки зрения закона? Это охраняемый объект культурного наследия, который принадлежит всем горожанам. И здесь мы опять сталкиваемся с некоторой несправедливостью. Горожан не спросили, хотят ли они каких-то изменений. Думаю, что архитектурное сообщество стоит на той позиции, что набережная — это шедевр архитектуры 50-х годов прошлого века, а значит, мы можем только реставрировать этот охраняемый объект культурного наследия России, но не реконструировать его, что я отвергаю полностью. Давайте лучше на территории Ворошиловского района или той части Центрального, что не достроена до моста, устроим набережную XXI века! Давайте набережную продлим и покажем — вот 1950-е годы, а вот XXI век. Еще раз повторю, с правовой точки зрения мы не имеем право ничего там менять. Я лично так отношусь к этому проекту.

Дальше про доставшиеся нам исторические несправедливости. Сложный вопрос, и я, честно говоря, о нем не задумывалась, я больше размышляла о современности.

И, наконец, вопрос про коммуникационную доступность. Я считаю, что общественный транспорт должен решить вопросы справедливости. Это должен быть удобный и доступный для всех транспорт. Но мы пошли по американскому пути развития транспорта, хотя наши города не подготовлены для него, поэтому сейчас наблюдаем социальную несправедливость в городе. Особенно это видно на примере нашей столицы, где все это обострено: кто-то стоит в пробке, а кто-то с мигалками спокойно преодолевает транспортный коридор. Да и в Волгограде мы тоже встречаемся с подобными явлениями, когда одним позволено, а другим нет.

Навроцкий Б. А.: Уважаемые коллеги! Позвольте предоставить слово Алексею Владимировичу Антиофееву. На многие вопросы, которые были заданы, я думаю, он сможет ответить в своем выступлении.

Антиофеев А. В.: Спасибо. Я бы хотел вам напомнить, что в 2004—2007 годах мы разрабатывали новый генеральный план Волгограда с расчетом на 20 лет. Я напомним те приоритеты, которые туда были заложены изначально: экологический, инфраструктурный, транспортный и социальный. Не промышленный, а именно эти. И это справедливо. Далее в ВолгГАСУ была разработана концепция «Большого Волгограда». И здесь мы были первыми. Сейчас к этому только подходит Москва. Мы шли от общего к частному — большое кольцо Волго-Ахтубинской поймы — фактически город-сад. Если посмотреть из космоса, то видно, что он уже объективно реализовался, хотя и не как город, а как система расселения: некоторое количество городов «нанизаны» на линии продольных магистралей. При работе над генпланом мы закладывали принцип справедливости, в том числе и в административном делении города. Есть северная часть, имеющая определенный социальный состав и проблемы, связанные с депрессивной промышленностью. Есть центральная часть — тоже со своей системой развития. Есть южная часть. Все они могут гармонично развиваться, у каждой из них есть определенные ресурсы и проблемы, которые должны решаться в границах этих подсистем города.

Также в генплане решался вопрос экологической безопасности и выноса промышленных предприятий из депрессивных прибрежных территорий. Мы все перезо-

нировали, и никаких промышленных предприятий в прибрежной зоне в нашем генеральном плане нет. Эта территория называется производственно-деловой и содержит только технопарки, зеленые, спортивные зоны и прочее.

Историческую часть Сталинграда, центральную часть, было предложено внести в список исторического наследия ЮНЕСКО как созданную по единому проекту в короткий срок. Все указанные позиции, внесенные в генеральный план, прошли публичные слушания и были одобрены. Никто ничего не отменял. После этого долго утверждались и, в конце концов, утвердились правила застройки города и землепользования. Прошло некоторое время, и в этом году возникла необходимость произвести корректировки генерального плана. Мы выиграли это право на конкурсе и внесли корректировки, предложенные постоянно действующей комиссией администрации города и городской думы. Мы, прежде всего, смотрели на то, как реализовался генплан за этот период. Вывод печальный: никак. И при этом никакой необходимости вносить коррективы в генплан не было. Дело не сдвинулось с мертвой точки, потому что за всем этим стоит негативный баланс интересов. Он, конечно, всегда присутствует, и не только в нашем городе.

Несколько слов о необходимости общественного обсуждения городских проектов. Этот вопрос меня сильно волнует и беспокоит. Волгоградский депутатский корпус принял закон о публичных слушаниях, где предусмотрены некие общественные дебаты, а потом голосование. Но фактически этот институт работает формально: собирают бомжей на улице, привозят, регистрируют. Далее приходят «дебаты», больше похожие на мордобои. На самом деле это должно делаться для того, чтобы услышать людей. Слушания должны идти несколько месяцев, а тот, кто не может прийти, должен иметь возможность высказаться письменно. Дебаты не должны быть случайным одновременным мероприятием. К сожалению, у нас в городе публичные слушания превратились в опасное мероприятие, в манипуляцию. И вот, с одной стороны, информация до массового сознания не доводится, а, с другой стороны, принимаемые управленческие сиюминутные решения не имеют перспективы. Это нельзя считать справедливым.

Олейников П. П.: Давайте продолжим разговор о набережной. Сегодня она носит название Набережная имени 62-й армии. Почему-то сейчас говорят о том, чтобы назвать ее набережной Мира и поставить там памятники Рузвельту, Черчиллю. Тот, кто хочет это сделать, пусть обратится к истории. В 1942 году наш солдат, который воевал здесь, над Волгой, жил в среднем одни сутки, а Черчилль и Рузвельт тормозили открытие Второго фронта. Неужели мы должны поставить им на набережной памятники? Какая тут справедливость? Еще живы ветераны, которые помнят эти события.

Второй вопрос касается справедливости-несправедливости отношения к пойме реки Царицы. Ровно 80 лет назад, в 1932 году, когда город Сталинград уже начал становиться символом индустриального развития, в Советском Союзе был разработан первый проект парка поймы реки Царицы. Это был грандиознейший проект. Вся территория от впадения реки Царицы в Волгу и до Совбольницы была разработана в проекте архитектора Коржева — кстати, очень известного московского архитектора. Там было все: стадион, Дворцы культуры, велотреки, парки, бассейны. После этого проекта были разработаны еще десятки, которые так и не осуществились. Поэтому, может быть, нашим властям, которые хотят преобразовать набережную, надо обратить внимание на пойму реки Царицы — золотое место для нашего города. Его можно так подать, как ни в каком другом городе не было и не будет.

Пилипенко В. А.: Алексей Владимирович, у меня к Вам вопрос, который сформулирован в форме серьезного опасения. Мне всегда была симпатична идея «Большого Волгограда». Мы с вами неоднократно по этому поводу беседовали. Но, учитывая нынешнюю ситуацию — и экономическую, и политическую, и, я бы так сказал, коррупционную, — я все больше прихожу к выводу, что популяризация и продвижение этой идеи является, по большому счету, опасной по причине того, что в Волго-

граде и Волгоградской области отсутствуют какие-либо барьеры для того, чтобы предотвратить все негативные последствия, как, например, масштабную торговлю землей, в том числе и ее пойменной частью. На сегодняшний момент мы имеем такое низкое качество исполнительной и законодательной власти — и на областном, и на городском уровне, что эта идея может стать красивой вывеской для реализации конкретных корыстных интересов, а общественные проекты так и не будут реализованы. Как Вы к этому опасению относитесь?

Антюфеев А. В.: Мы действительно работаем над этой темой еще с 2004 года. Анализ показал, что практически ничего из утвержденного гражданским сообществом Волгограда в рамках публичных слушаний не реализовано. Вы правильно сказали о низком качестве исполнительной дисциплины, но, на мой взгляд, не ставя сверхзадачу, и задачу не решишь. Должно быть некоторое «управление из будущего», нужно решить, что у нас должно быть через определенное время и к этому стремиться. Когда только началась дискуссия о «Большом Волгограде», появилась статья в АиФ «Волгоград хочет поглотить Волжский». И все. Но никто об этом не говорил, никто никого поглотить не собирался! Разговор шел о создании нового образования в рамках уже сложившихся границ. Как раз в то время обострилась давняя проблема Волгограда — отношения мэра — губернатор. И эта проблема, среди прочих, не дает нам вырваться из замкнутого круга, «подняться» на высоту птичьего полета, чтобы лучше оценить сложившуюся ситуацию. Почему мы для северных депрессивных районов с застройкой 1930-х годов и, допустим, Красноармейского района должны принимать одинаковые программы развития с одинаковыми бюджетами? Для этих районов должны быть совершенно разные программы, ведь и потенциал, и ресурс, и люди разные!

Навроцкий Б. А.: То есть Вы против уравнительной справедливости?

Антюфеев А. В.: Должен быть баланс прав-обязанностей. Ты взял на себя столько-то обязанностей, поэтому у тебя ровно столько прав. А если у тебя одни только права без обязанностей, то это не то что несправедливо — это нежизнеспособно. Это всегда приведет к коллапсу.

Навроцкий Б. А.: Вы хорошо сказали: несправедливо, значит нежизнеспособно. Сделаем этот тезис лейтмотивом нашего обсуждения. Спасибо, Алексей Владимирович. Давайте перейдем к новой теме. Разрешите предоставить слово заведующему кафедрой экономической теории ВолГАСУ профессору, доктору экономических наук Владимиру Геннадьевичу Полякову. Тема его выступления — экономическая справедливость. Пожалуйста, Владимир Геннадьевич.

Поляков В. Г.: Уважаемые коллеги, когда Борис Александрович предложил выступить по данной теме, у меня было большое замешательство. Но благодаря Алексею Владимировичу мне будет легче выступать. Экономической справедливости на территории нашего региона и в Федерации нет. Я назову только две цифры: заработная плата доцента нашего вуза составляет 10 тыс. рублей, топ-менеджеры компании «Еврохим», которые работают в Котельниковском районе, получают около 300—500 тыс. рублей в месяц. Экономическая несправедливость налицо. В Волгоградской области проживают 2,6 млн человек, из них 1,9 млн живут в городах. Мы, естественно, сосредоточимся на Волгограде, но все же хотелось бы сказать несколько слов о Котельниковском месторождении калийной руды. Оно было продано всего за 100 млн руб. Все вырученные деньги пошли Федерации, все 100 %. Это тоже экономическая несправедливость, так как регион от этих денег ничего не получил, хотя и получит в виде доходов, новых рабочих мест и ухудшения экологии. Далее. Нельзя строить структурные объекты, не имея хорошей экономической подосновы. Бюджет города Волгограда в 2012 году имеет доходную часть 13,8, расходную — 14,6 млрд руб., дефицит — 8,7 %. Отсюда вытекает вся экономика и развитие инфраструктуры. Бюджет Волгоградской области составляет 60 млрд руб. и достигает максимального дефицита 15 %, а это критическая цифра. То есть область может стать банкротом,

лийной руде мощностью 2,5 млн тонн. Объем инвестиций в этот проект — около ста миллиардов рублей. Вот такие инвестиции необходимы региону, городу, чтобы стабильно работать, чтобы социальная и культурная сферы развивались. Спасибо за внимание.

Навроцкий Б. А.: Спасибо, Владимир Геннадьевич. Какие будут вопросы?

Максимчук О. В.: У меня на протяжении последних 15 лет складывается впечатление, что никто из инвесторов — крупных бизнес-игроков, приходящих в регион с инвестициями, не заботится о том, чтобы в Волгограде была комфортная среда проживания. Идет какое-то оголтелое, без оглядки на жителей, инвестирование то в заводы, то в жилье. И опять же, владеет жильем не проживающее население. Зачем нам такие инвестиции?

Поляков В. Г.: Это дискуссионное рассуждение. Мы 20 лет живем по законам рыночной экономики и строим капитализм. Сегодня основные игроки в регионе — «Лукойл», «Еврохим», «Сибур», «Трубная компания». Вот те «монстры», которые определяют экономику и политику нашего региона. Они решают, кто будет губернатором. Я это открыто говорю. Так сегодня решается наше политическое устройство.

Рассмотрим экономический аспект. Мы законодательно «закрыты» всему новому. Федеральный закон перекрывает закон субъекта. Я считаю, что при каждом подписании соглашения с инвестиционной компанией, приходящей на территорию региона, надо накладывать на нее определенные обязательства, обременение. Это нормальная практика. Возьмем, к примеру, компанию «Ашан», которая строит крупный комплекс. У нас давно не было строительства такого масштаба. «Ашан» будет строить верхнюю дорожную развязку в городе. Я уверен — это условие, которое выдвинуло наше местное ГИБДД. Но я бы сделал обременение еще и на Нулевую продольную, на участке за «Ашаном» от машзавода до троллейбусного кольца. Мы тогда бы хоть как-нибудь город развязали.

Коваль В. Э.: Недавно я был на геральдическом совете при президенте Российской Федерации в Санкт-Петербурге. Проводилось совещание, посвященное 20-летию геральдики Российской Федерации и 290-летию геральдической отрасли в Российской империи. Мое выступление называлось «Геральдический стиль Волгоградской области». Когда начинаешь заниматься историей и вдаваться в подробности, оказывается, что все мистически спрогнозировано и материализуется. К примеру, царицынский герб — две рыбы накрест. Все думают, что они символизируют впадение реки Царицы в Волгу или слияние Волги с Доном. А еще эти две рыбки крест-накрест означают по-гречески ΙΧΘΥΣ — «Иисус Христос — Сын Божий Спаситель». Удивительно, но наш город этот символ, знак материализовал в битве в Великую Отечественную войну. Он спас мир. Мы живем в городе-спасителе, городе мировой славы. А сам город Царицын — это город Царицы Небесной, город Богородицы. Вся суть в имени, в слове. Как корабль назовешь, так он и поплывет.

Полосухин В. А.: Действительно, нет города-героя Волгограда. Есть город-герой Сталинград. Но вы попробуйте Астрахань или Казань назвать «Волгоградом!» Кстати, сейчас подготовлено письмо от культурных сообществ, от ученых губернатору области с просьбой о возвращении городу названия «Царицын».

Навроцкий Б. А.: А разве в полномочиях губернатора возвращать название?

Полосухин В. А.: Нет, это предложение, которое потом можно вынести на референдум.

Поляков В. Г.: А список этих ученых можно узнать?

Полосухин В. А.: Да, это письмо будет опубликовано.

Навроцкий Б. А.: Я предлагаю предоставить слово очередному докладчику — Владимиру Федоровичу Сидоренко, доктору технических наук, профессору, заведующему кафедрой экологического строительства ВолГАСУ. Тема его выступления «Экологическая справедливость».

Сидоренко В. Ф.: Уважаемые коллеги! Тема интересная. Мне такими вопросами не приходилось заниматься, но, в общем-то, экология имеет прямое отношение к справедливости, особенно в настоящее время.

Природа воздействует на человека и человек воздействует на природу. Если говорить о факторах воздействия, то их наберется около 15: температура, влажность, состояние почвы, воздуха, воды, шум, вибрация, электромагнитное излучение и т. д. Это комплекс факторов, которые воздействуют на человека. В городской среде нельзя назвать место, свободное от воздействия этих факторов. Но есть места, где они суммируются и создают абсолютно неблагоприятные условия. Воздействие человека на природу многообразно. Оно бывает локальное или глобальное, затрагивает почву, растительность, водные ресурсы, подземное пространство и исторические памятники. Каждое общество отстаивает свои интересы в экологии. Например, страны Западной Европы стараются вывести промышленные отходы за пределы своих территорий. Я был на конференции во Франкфурте, и там назвали страны, куда вывозятся эти отходы — Польша, Румыния, Украина и Россия. Но, к сожалению, информации по данному вопросу мы, россияне, не имеем. Какие объемы, куда вывозятся, какие деньги Россия за это получает и как они расходуются? Вообще, по справедливости, мы должны знать, где эти захоронения располагаются.

В городских условиях самый важный фактор воздействия на человека — озеленение. В настоящее время в Волгограде количество зеленых насаждений общего пользования, как и в целом зеленых насаждений, в два раза меньше, чем требуется по нормативам и градостроительным нормам. Норма — 20 м², а у нас на человека приходится до 5 м². Наши зеленые массивы (парк имени Гагарина, парк возле Мамаева кургана, садик Саши Филиппова, сквер ТЮЗа, дендрологический парк ВНИАЛМИ) ухудшаются качественно и уменьшаются количественно. Думаю, если сообщество не возьмет под контроль возведение жилых, торговых, общественных зданий в границах зеленых насаждений общего пользования, то через несколько лет их не будет вообще. Останутся вязы вдоль дорог и больше ничего.

Печальна судьба парка имени Гагарина — ограда и большая часть зеленых насаждений погибли. Водопровод растащили, нет полива, а более-менее ценные зеленые насаждения без полива не растут. И они должны быть местного производства, не надо завозить их с Северного Кавказа или Краснодарского края.

Юридически нормативы для всех одни — это ПДК и ПДУ. Но в разных местах нормы превышаются в десятки раз и по шумам, и по вибрациям, и по концентрациям вредных выбросов. Говорилось о предприятиях магниевых производств и фармацевтическом заводе в Светлоярском районе. Мы участвовали в экспертизе и сделали отрицательное заключение по этим проектам по причине слабой проработки экологических разделов. Неясно, что получит человек, живущий возле этого предприятия. Если бы он получал какие-то дополнительные средства, льготы, тогда бы у него изменилось мнение. Я даже считаю, что было бы справедливо человеку, живущему на магистральной улице с интенсивным движением 3000 автомобилей в час, шумом 80 децибел, грязным воздухом и сильной вибрацией, платить за квартиру в два раза меньше, чем тому человеку, который живет в благоприятных условиях. А то получается, что вид на мусорную свалку и на фонтаны и зеленые насаждения оценивается одинаково. Это несправедливо.

По справедливости, общество должно оценивать экологические проблемы комплексно. Справедливо, например, закачивать промышленные отходы в Волжском под землю? Что мы можем ожидать через сто лет? Может возникнуть просачивание через какие-то слабые места в породе, и все отходы попадут в город. Почему бы не вывезти их дальше?

В итоге отмечу, что, конечно, на сегодняшний день экологическая ситуация в Волгограде неблагоприятная. Уменьшается количество мониторинговых точек наблюдения, то есть сокращается количество информации под тем предлогом, что это,

будто бы, бесполезные затраты. Кроме того, ПДК, нормативы изменяют и тем самым «снимают» проблемы. По сути, принимают волюнтаристские решения. Я бы хотел, чтобы вопросам экологическим, и в частности экологической справедливости, было бы уделено гораздо больше внимания властей, чем сейчас.

Беляев М. К.: Уровень социальной культуры населения как-то влияет на экологическую справедливость?

Сидоренко В. Ф.: Конечно. Можно агитировать за соблюдение чистоты, а можно воздействовать юридически: например, в Таиланде экологическая полиция, переходя в гражданское, ходит по городу и смотрит. Если вы бросили окурки, то получаете штраф 200 долларов или две недели принудительных работ по уборке мусора. Вот решение проблемы соблюдения чистоты на улицах.

Мензелинцева Н. В.: Я хотела бы дополнить выступление Владимира Федоровича. Когда мы говорим о справедливости и несправедливости, мы должны помнить, что несправедливо поступаем по отношению к будущему поколению. Чтобы мы ни делали, какие бы действия по улучшению окружающей среды ни предпринимали, все равно состояние природной среды ухудшается. Я помню свое детство, когда люди сами выходили убирать возле своих домов и, понимая, что делают это для своих детей, сажали деревья, которые теперь спиливают у нас на глазах. Я родилась в Камышине и много лет там не была. Но потом приехала посмотреть свой двор. Там построили элитный дом. Деревья, которые сажали мои родители, уничтожены, как и три прекрасных парка, запечатленных в моей памяти.

Сидоренко В. Ф.: Дело в том, что природоохранная законодательная база не совершенна. В этом корень проблем. Например, собственники гостиницы «Южной» решили вырубить деревья на прилегающей территории. Они сделали это и пообещали, что посадят другие деревья. Но вырубил они 30-летние деревья, а посадили 5-летние! То есть 25 лет надо ждать, пока посаженные деревья достигнут того же состояния, что и вырубленные! И за ними надо все это время ухаживать! Законодательная база такова, что не в полной мере защищает окружающую среду.

Поляков В. Г.: Наша беда в системе управления. Все проблемы отсюда. Я говорю о Волгограде, где многие из нас родились, выросли и кому обидно смотреть на то, что происходит. У нас нет таких мэров, как Атопов, Староватых, которые руководили городом по 10 лет. Нельзя руководить городом, районом, предприятием один-два года. Потому что человек думает о том, что с ним будет завтра, как он будет семью кормить. Я знаю многих бывших работников администрации, которые на сегодняшний день уже год как безработные, а раньше занимали большие должности. Когда в советское время снимали руководителя с какого-то поста, он не уходил в никуда, его передвигали или по горизонтали, или чуть ниже, но он работал и содержал свою семью. У него не было страха остаться безработным. К сожалению, наш бич — политизация общества, переход из одной крайности в другую. Спрос с чиновников сегодня один — сколько процентов проголосовало за «Единую Россию». И мэр — будь это хоть Соколов, хоть Гребенников — за эти проценты борется. Даст он этот процент — будет работать дальше, не даст — его снимут. Поэтому не нужны им дороги, озеленение. Это временщики.

Артюхович Ю. В.: Мы, я и Владимир Александрович Полосухин, представляем экологическое движение «Зеленые». Наш опыт работы приводит к заключению, что власть и общественные организации существуют в параллельных мирах, и найти точку соприкосновения для того, чтобы эта работа была эффективна, очень трудно. Мы предлагаем обратиться к губернатору Волгоградской области Божену с предложением создать рабочую группу по реализации эффективного развития Волгограда как экономического, экологического, социально ориентированного мегаполиса. В группу следует включить представителей правительства, администрации Волгограда, ученых и специалистов ВолгГАСУ, общественных, экологических, социально ориентированных организаций.

Полосухин В. А.: Владимир Федорович, характеризуя экологическую ситуацию, назвал главную причину ее неудовлетворительности — отсутствие социально ориентированной законодательной базы. После двух переворотов в России все законодательство направлено, в первую очередь, на защиту крупного капитала. Поэтому Галина Александровна правильно сказала, что мы сейчас переживаем смутное время. Наша цель как консервативной партии инвентаризировать законодательство так, чтобы оно было социально, экологически ориентировано. Чтобы было как в Европе: намусорил — ответил по закону. У нас, к сожалению, этого нет. Поэтому я думаю, главная цель — создание нормативной базы, а вторая цель — налаживание взаимодействия между органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными, научными организациями. Сейчас это «окошко» приоткрылось и на уровне федерального, и на уровне областного законодательства. Это надо использовать.

Птичникова Г. А.: Я хочу сказать несколько слов по итогам выступления Владимира Федоровича. Во-первых, большое спасибо за то, что вы дали отрицательное заключение по этим крупным вредным для экологии заводам. Я считаю, что это профессиональный героизм и отстаивание интересов жителей региона. Экологическая несправедливость выражается еще и в том, что жители регионов, ресурсами которого пользуются различные заводы, предприятия, инвесторы, не имеют ничего с этого. Говорят — «рабочие места»! Правильно — работайте, отравляйтесь и умирайте. Зато чье-то предприятие развивается. Мне кажется, партия «Зеленые» должна послужить восстановлению экологической справедливости. Никто не учитывает потерянные нами, жителями региона, прибыли и здоровье. Мы должны получать компенсацию за это, тогда уже можно будет говорить о размещении вредных производств на наших территориях.

Диденко В. Г.: Я согласен с моим коллегой Владимиром Геннадьевичем Поляковым в том, что если мы ничего не будем создавать и строить, у нас не будет денежных средств для решения наших проблем, в том числе и экологических. Во-вторых, нужно искать возможность создания новых производств без ущерба экологической среде. Владимир Федорович правильно сказал о зеленых насаждениях: по существу, в Волгограде они планомерно уничтожаются. Мы говорим, что люди должны иметь право, в том числе, на благоприятную среду обитания. Что это означает? Есть, пить, дышать. Недавно бывший претендент на пост мэра Астрахани показал, что без еды можно прожить несколько недель, без воды — несколько дней. Без воздуха нетренированный человек проживет две минуты, а тренированный не более пяти. Для людей главным фактором выживания служит чистая воздушная среда.

В выступлении Владимира Федоровича отмечено, что к нам везут отходы, т. е. западные страны решают проблемы экологии довольно просто: выгодно — значит реализуют, невыгодно — значит нет. Например, Канаде стало невыгодно соблюдать Киотское соглашение, и она прекратила это делать. Мы вряд ли заставим предпринимателей думать о чем-то еще, помимо прибыли, если не реализуем соответствующую законодательную базу. А для этого нужна политическая воля. У нас в стране ее нет. Была бы она, значит, те законы, которые на сегодняшний день существуют, работали бы.

Навроцкий Б. А.: Мы, наконец, добрались до политической справедливости, пора предоставить слово профессору А. Л. Стризое.

Стризое А. Л.: Коллеги, я хотел бы начать со слов благодарности Борису Александровичу за то, что он и кафедра философии ВолгГАСУ организовали этот круглый стол, в котором мне — неспециалисту в науках о градостроительстве и строительстве вообще — очень интересно принимать участие. Я уже давно интересуюсь этой тематикой, и не из праздного интереса, а потому, что проблемы города — это междисциплинарные проблемы, имеющие массу граней; они перспективны и эври-

стичны. Поэтому я хотел бы выразить два пожелания. Я думаю, ваш вуз обладает потенциалом как минимум два раза год, с учетом периодичности издания журнала «Социология города», собираться на такие круглые столы. Тем самым мы обеспечим публикации и сформулируем компетентное мнение. Это первое предложение. Во-вторых, я думаю, что дайджест по итогам этого круглого стола должен поступить и в депутатский корпус области, и городским депутатам.

Навроцкий Б. А.: Спасибо, Александр Леонидович, мы сделаем это.

Стризов А. Л.: Теперь от протокольных вопросов — к существу дел. Постараюсь держаться в рамках заявленной темы, хотя очень велик соблазн переместиться в область разговоров «за жизнь». Говоря о справедливости, я хотел бы напомнить уважаемым коллегам, что существует несколько трактовок этого понятия. Моя задача совместить их, во-первых, с политической проблематикой, во-вторых, с особенностями ее проявления в городской среде. Начнем с того, что существует уравнительная справедливость, которая требует обращаться со всеми одинаково, не давая никому предпочтений. В этом смысле все мы равны, ибо все мы граждане, и в городском пространстве справедливость требует от нас именно этого — относиться друг к другу как к равным. Хотя это очень сложно.

Существует также дистрибутивная, распределяющая справедливость. Здесь возникает проблема: а кто является интерпретатором справедливости? Если рынок, то справедливость реализуется в условиях свободной конкуренции. Интерпретатором может быть общественное мнение, может быть элита, может быть каждый человек, а может быть и власть. Этот аспект, очевидно, будет интересовать меня подробнее. Наконец, существует процедурная справедливость, справедливость правил игры, справедливость экономических, экологических, архитектурно-строительных технологий. Об этом уже много говорилось. Идея справедливости, как вы, наверное, заметили, интересует не только теоретиков, потому что есть такое изречение: «Вся философия — это примечание к Платону». А все разговоры о справедливости — это примечание к Джону Ролзу, написавшему в начале 1970-х гг. в Америке работу, которая служит фундаментом для наших разговоров. В политике о справедливости говорят все — от социалиста Олланда, который победил Саркози в первом туре, до либерального консерватора Путина. И не потому, что Путин вдруг стал «левым», а у Олланда так плохи дела. Дело в том, что реальные проблемы, которые беспокоят общественное мнение, существуют во всех обществах. От общих разговоров перейдем к тому, что можно назвать конкретизацией идеи справедливости.

Если мы говорим о справедливости во власти или власти как интерпретаторе справедливости, то справедливость, истолкованная в распределительном плане, есть адекватность — адекватность деяния и воздаяния, предоставления и получения общественных заслуг и общественного признания. Так вот, политическая справедливость — это и есть адекватность общественных заслуг и общественного признания. Возникает вопрос: в чем власть должна выражать общественное признание? Есть несколько вариантов.

Вариант 1 — публичное морально-психологическое одобрение и поддержка, в просторечье — информационный шум. Пошумели, превратили какую-то персону в медийную, какую-то проблему в разговорную и тем самым восстановили справедливость.

Вариант 2 — очень популярный: предоставление разного рода социальных льгот, определенной материальной помощи, в просторечье — распил бюджета. В интересах лоббистских групп, общественного мнения так или иначе приходится «пилить» бюджет.

Вариант 3 — создавать условия для развития. Давать систему целевых грантов, способствующих развитию, определенные правовые, налоговые льготы, контролировать, как все это используется.

Я обозначил первое проблемное поле, которое возникает в рамках городской и муниципальной власти: как утверждать справедливость? Но есть и второй вопрос, который в настоящее время еще не решен, хотя для Волгограда имеет особый смысл. Еще со времен античных философов сформулирована дилемма: что является справедливостью — реализация воли власти или реализация воли народа? Борис Александрович начал цитировать Пушкина, я продолжу: «Зависеть от царя, зависеть от народа, не все ли здесь равно?». Мы с вами живем в XXI веке, поэтому вынуждены сказать: «Нет, не все равно». Мы предпочитаем все же зависеть в определенной степени от народа. Хотя и здесь есть проблемы. Например, народ не всегда может сказать свое слово, глас народа не всегда глаголет. Тогда возникает проблема элиты. Элита мною понимается как выразитель мнения народа, как та группа людей, которая может профессионально интерпретировать справедливость и ставить вопрос о справедливости перед властью. Смее утверждать, что политические несчастья, постигшие наш город и нашу область, связаны именно с тем, что раскол, дезинтеграция волгоградской элиты до сих пор не преодолены. Дело здесь не в кознях федерального центра — он сам не знает, что делать с Волгоградской областью и Волгоградом, в отличие от Ростова, Ставрополя или от Краснодара. Дело здесь, в первую очередь, в отсутствии лоббистских устремлений и лоббистских возможностей у волгоградской элиты. Элита не имеет этих ресурсов, не может сыграть свою роль, потому что она сама не консолидирована.

Если уйти от морализаторских установок, то к элите, очевидно, надо причислять не нравственно безупречных и духовно богатых людей, а тех, которые достигли высших результатов в своей профессиональной деятельности и получили общественное признание. Я убежден, что здесь присутствует часть волгоградской городской элиты, и я хотел бы еще раз подчеркнуть, что это часть должна быть заинтересована в том, чтобы профессиональное экспертное мнение регулярно доводилось до властей. Думаю, решение волгоградских проблем, в том числе проблем справедливого управления, справедливой власти, находится, главным образом, на пути консолидации волгоградской региональной элиты.

Если говорить о самих проблемах, то позволю себе сформулировать некоторые из них. Первая проблема, которая мне кажется наиболее важной, — это проблема адекватности деяния и воздаяния в экономическом, политико-правовом и административном аспектах городов-миллионников. В России их 13, и Волгоград входит в их число. Эти города играют в жизни страны важную роль, а их нынешний статус, их финансирование не соответствуют реальным проблемам. Возникает вопрос: как происходит определение адекватности справедливого финансирования, придание административного и территориального статуса этим городам? Думаю, тут несколько критериев: вклад в федеральный бюджет, имеющиеся проблемы, лоббистский ресурс. Я думаю, что в Волгограде достаточно много проблем, он вносит умеренный вклад в бюджет, а самый слабый его ресурс — лоббистский. Я думаю, что тему придания особого статуса городам-миллионникам надо поддерживать и развивать, в том числе через СМИ, потому что уровень наших депутатов таков, что они не представляют наши проблемы в комплексе (инженерном, архитектурно-эстетическом, управленческом, экономическом, политическом и социологическом). Им об этом надо напоминать. Далее. Назревает проблема малых городов. В министерстве экономики с легкой руки госпожи Набиуллиной родился план признания всех малых городов России бесперспективными с лишением их бюджетного финансирования со следующего года. Вы представляете себе, что будет, если это осуществится? Исчезнут огромные пространства культуры, цивилизации в наших регионах.

Наконец, я хочу поддержать Алексея Владимировича Антюфеева в его мысли о том, что в рамках городов мы должны настаивать на справедливом распределении бюджета между различными административными территориями, которые имеют разные проблемы (экономические, демографические). Мне кажется, эта проблема в

условиях Волгограда приобретает особую остроту. Итак, первый аспект справедливости — справедливость с точки зрения адекватного экономического и административно-правового статуса.

Теперь поговорим о справедливом городском управлении. Сегодня мы вынуждены констатировать, что представлять интересы населения и элиты политические партии не могут. В кампаниях 2012—2013 годов, как мне представляется, политические партии из кризиса не выйдут и справедливо формулировать общественные интересы не смогут. «Партия власти», исключив из своих рядов Соколова, пыталась дистанцироваться от его непопулярной политики, но у нее остается нерешенной серьезная проблема: кого представить на определенные должности. И самая главная проблема — и я не уверен, может ли «Единая Россия» ее решить — это выиграть публичные выборы мэра Волгограда. Я думаю, что политические партии в ближайшее время это сделать не смогут. Кто их заменит? Или вакуум заполнится серьезными коалициями, или гражданскими общественными движениями, или это будет неуправляемый стихийный процесс. Во всяком случае, проблема справедливой артикуляции интересов горожан и их донесение до власти через муниципальные выборы — это второй аспект проблемы справедливого городского управления.

Третий аспект — участие общества во власти, контроль над властью. К сожалению, мера участия граждан в общественной жизни очень низка. С другой стороны, сама власть, исполняя ритуальные поклоны в сторону общественного мнения, не хочет, чтобы ее контролировали, не хочет, чтобы общественность совала свой нос в «ее» дела. Где здесь оптимум? Вот как я себе его представляю. В традиции российской политической культуры считаются справедливыми прямые выборы первых лиц. В этом смысле возвращение выборов мэра, я считаю, вопрос решенный, и оно должно состояться. К прямому действию относятся всевозможные опросы и локальные референдумы, использующиеся сейчас явно недостаточно. Во-вторых, справедлив учет мнения максимально возможного числа групп. Исследования городов-миллионников России показывают, что главная проблема — учесть все многообразие интересов в крупных городах. Сравнительное изучение городов-миллионников убеждает в том, что, например, 10 % населения готово поддержать любую городскую программу — активно или пассивно, но поддержать. На больший уровень гражданской активности мы, видимо, рассчитывать не можем. Но в этом случае общественность будет рассматривать эту программу как справедливую и достаточно демократичную. Наконец, проблема общественного контроля. Стоило «Единой России» и затем Путину выдвинуть предложение по созданию общественного народного фронта, как в различных регионах России, особенно в малых городах, стихийно стали развиваться движения за контроль над муниципальным бюджетом. Контроль над муниципальными финансами является проблемой, которую население воспринимает как острую проблему политической управленческой справедливости: «Куда вы тратите наши деньги?». Но есть и другие проблемы, которые могут становиться предметом общественного внимания, например контроль над ремонтом дорог в Волгограде. Этот список может быть продолжен.

Я хочу сказать, что, несмотря на пассивность и подавленность населения бытовыми вопросами, оно, тем не менее, не забывает об общих проблемах всего городского пространства и в меру сил готово участвовать в их решении. Разумеется, этим надо воспользоваться.

В свете вышесказанного хотел бы обратить внимание на печально закончившуюся для ее сторонников историю укоренения в российских городах сити-менеджеров. Несмотря на то, что некоторые «большие умы» из «Единой России» полагали, что введение сити-менеджеров будет справедливо и эффективно, до 60 % населения выступает против этой меры как несправедливой, ибо граждан лишили выборов мэра. Я думаю, что этот случай показывает нам, что любая произвольная

интерпретация справедливости без учета мнений специалистов, экспертов, общественного мнения неизбежно закончится крахом. Властям надо быть достаточно внимательными, осторожными, чтобы избегать авантюрных проектов, а таких проектов у нас более чем достаточно, судя по некоторым инициативам нашей власти и по поведению людей, которые к этой власти близки.

Наконец, еще один аспект справедливости, касающийся открытости и доступности городского пространства. С легкой руки террористов западное общество простилось со своими иллюзиями о безграничных пределах свободы. Оказывается, свободу надо ограничить во имя безопасности. И это будет справедливо. Разделяя мнение Галины Александровны о том, что пространство должно быть открытым, я, тем не менее, думаю, что нужны некие ограничения, созданные ради безопасности людей. Существует дилемма свобода — безопасность. Что считать справедливым? Приоритет, я думаю, нужно отдать безопасности. Есть и другая дилемма, о которой мы не говорили, но которая, увы, не изжита. Это свобода и благосостояние. Немного отойду от темы, но хотелось бы напомнить, что Азия и Африка, Латинская Америка обращаются к Западу: «Вы обеспечьте нам благосостояние, а мы гарантируем вам свободу и демократию, давайте конвертируем свободу и демократию в благосостояние». И это справедливо: «Свобода не является нашей ценностью», — говорят они. В рамках городского пространства существуют депрессивные территории, резервации социокультурных маргиналов, люмпенов, мигрантов, для которых проблемы свободы, демократии и участия в управлении не являются актуальными. Они не считают эти проблемы главными и справедливыми. Для властей важнее другое — обеспечить хотя бы какую-нибудь стабильность, минимальное благосостояние этим группам населения, хотя бы как-то урегулировать процессы, происходящие с этой частью общества. Я думаю, что отсутствие регулирования будет восприниматься коренным населением как несправедливость, потому что мигрант получает преференции по сравнению с коренным жителем, а население депрессивных территорий нерешенность проблемы его благосостояния будет рассматривать как вопиющую несправедливость. Все это может порождать социальную напряженность.

Завершая свое выступление, я хотел бы сказать уважаемым коллегам, что они, конечно, правы: проблемы архитектуры, экологии — это проблемы сытых и довольных обществ, где решена, по крайней мере, проблема эффективной и справедливой власти. Если эта проблема не решена, то все другие проблемы меркнут на ее фоне, а их решение будет упираться в дефицит политической воли. Благодарю за внимание.

Сидоренко В. Ф.: Прошу прокомментировать следующее. В Финляндии выбираются депутаты (200 человек) в совет города Кеми, но зарплаты они не получают. Только председатель совета в конце года получает определенную сумму. Они же назначают сити-менеджера без прямых выборов мэра. Сити-менеджер не имеет никакого отношения к определению и распределению бюджета, а только исполняет поручения депутатов, например отремонтировать что-то, сделать дорогу и т. д. А в конце года каждому жителю города в почтовый ящик бросается отчет об исполнении сметы за год.

Стризов А. Л.: Эта хорошая, нужная и правильная практика соответствует той социокультурной и политической традиции, которая сложилась в западных странах. У них есть жесткая, достаточно обеспеченная налогооблагаемая база, и местные сообщества обеспечены ресурсами. Там налоги платят все, поэтому нет проблемы формирования местного бюджета, а если она и возникает, то как нечто чрезвычайное и крайне редкое. У нас местные бюджеты не сформированы. Система финансирования такова, что любая вышестоящая инстанция забирает все, что может забрать. Кроме того, на Западе есть традиция очень сильной власти представительских сообществ (муниципалитетов, дум и т. д.). Они участвуют в принятии всех решений, контролируют исполнительную власть, причем контролируют плотно. Третье: на Западе правовое регулирование находится на чрезвычайно высоком уровне. И институт сити-

менеджера хорошо работает потому, что решает единственную задачу — как потратить выделенные деньги. У нас ситуация совершенно другая. У нас нет муниципального бюджета, у нас правовой нигилизм, у нас все органы демократические, а все думы — и наши депутаты это доказывают — есть объект манипуляции исполнительной власти. В этой ситуации глава администрации у нас превращается в лоббиста, который должен выбивать ресурсы из центра. Поэтому сити-менеджер в России работать не будет. В российских городах, где этот институт был введен, сити-менеджер стал заложником интересов различных элитарных кланов и группировок. Не работает у нас эта система — опытом доказано.

Сидоренко В. Ф.: Но, тем не менее, деньги финны считают и депутатам не платят.

Стризов А. Л.: У нас считать не будут. Одна реплика по поводу расходов. Конечно, наши подозрения о роскоши депутатов не лишены основания, но хотел бы заметить, что взятки и расходы на содержание законодательной власти всех уровней на порядок меньше, чем взятки и расходы на содержание исполнительной власти, нашего правительства, наших чиновников. У нас в этом смысле представительская власть гораздо дешевле всех остальных.

Навроцкий Б. А.: Еще вопросы?

Полосухин В. А.: Мы с Владимиром Федоровичем были депутатами Совета народных депутатов города и области. Тогда было такое представление: на уровне городского Совета платить депутатам такую зарплату, которая есть в среднем по городу, а на уровне областного Совета — среднюю по области. Вообще для людей, работающих в системе государственной власти, философские понятия свободы и справедливости находятся на разных полюсах. Стремление к свободе народа, которое было в Советском Союзе, было использовано крупным капиталом: свобода рынка в конечном итоге привела к разграблению страны и населения. Сегодняшние законы, сегодняшняя власть и «Единая Россия» в том числе — это власть крупного капитала. Они охраняют этот капитал. Поэтому наша цель — без потрясений выйти на уровень общения с властью, с муниципальными органами, чтобы решать те вопросы, которые на сегодняшнем круглом столе были подняты. Есть «окно» — закон о взаимодействии власти и общественных организаций, его надо использовать. Необходимо создавать рабочие группы с государственной властью, с муниципальными управлениями на основе элиты, о которой как раз было сказано.

Беляев М. К.: Александр Леонидович, можно мне сказать, что закон о сити-менеджере, который внедрен у нас в Волгограде, частично решает проблему? У нас очень много городов, где мэра выбирают, и ни в одном из них мэр успешно не работает. У нас сейчас вся система не работает. Если мэра города избирают, ему дают все права, и если он ворует, никто его не может контролировать, потому что вместе с ним в «вагоне» «едет» и законодательная власть. Сити-менеджера назначают и делают карманным, не дают ему возможности быть свободным в его работе. Поэтому я сомневаюсь, что 60 % населения против того, чтобы сити-менеджера назначали. Сейчас любую цифру можно подтасовать. Сити-менеджера в двух-трех городах попробовали и сразу же решили отказаться. Тысячи людей ездят за границу и удивляются, как там работает сити-менеджер. А у нас и выбранный мэр недотягиваем для населения, и сити-менеджер может быть недотягиваем. Если восстановить выборность мэра — будет то же самое.

Стризов А. Л.: Ну что ж, Вы можете иметь свою точку зрения, Михаил Константинович. Но я настаиваю на том, что у нас были хорошие мэры. Чехов был неплохим мэром.

Реплика: Сейчас самый богатый человек в Волгограде.

Стризов А. Л.: Я не говорю, что это мнение всеобщее. Я высказываю свое собственное мнение.

Реплика: Он просто тихим был.

Реплика: Приватизировал все.

Стризов А. Л.: Я считаю, что лучше, если мэра могут контролировать правоохранительные органы, чем если сити-менеджера будут контролировать полукриминальные городские кланы. Давайте называть вещи своими именами.

Реплика: А где у нас где самый большой криминал? — В правоохранительных органах...

Пилипенко В. А.: Борис Александрович, позвольте реплику. Уважаемые коллеги, чтобы снизить немного накал страстей, скажу, что, по моему мнению, эта полемика вокруг выборности мэра или назначения сити-менеджера, которое, кстати, не совсем назначение (это тоже вид выборов, но косвенных), не имеет смысла, поскольку ФЗ-131 «О местном самоуправлении» дает муниципальным образованиям право выбирать между мэром и сити-менеджером. И это, кстати говоря, демократичная норма, хотя и «на вырост» для современной российской ситуации. Каждый город, каждое муниципальное образование сами могут избрать либо прямые выборы мэра, либо назначение сити-менеджера. Более того, они могут утвердить несколько вариантов выборности сити-менеджера. С этой точки зрения сам механизм сити-менеджера более чем демократичен. Эта норма федерального закона изначально демократична и в то же время ситуативна. Поэтому, рассматривая вопрос, что лучше — кислое или горькое, пресное или соленое, надо рассматривать не просто конкретную территорию, например Волгоград, но даже конкретную ситуацию. Это первое. Второе. Рассуждая о справедливости, нельзя забывать о том, что в нынешней полукриминальной экономике России сама процедура выборов — это часть криминального айсберга. Говорю вам не как теоретик, а как практик, который руководил выборами губернаторского уровня и приводил к власти в том числе и Савченко, и Ищенко, и многих других. Это очень серьезная проблема. Даже если есть прямая выборность, все равно принимается кулуарное решение, а разменной монетой является избиратель, которому говорят: «Вот она, демократия, берите ее».

Макаров А. И.: Раз мы перешли к дискуссии, выражу несогласие с одной позицией Александра Леонидовича. Я вас понял так, что свободу надо ограничивать — это будет справедливо. Я думаю, что это положение принципиально неверно и с ним невозможно согласиться.

Навроцкий Б. А.: Есть еще вопросы Александру Леонидовичу?

Шелекета В. О.: Вы считаете, что проблемы Волгограда проистекают от того, что так называемая интеллектуальная элита очень мало участвует в общественной жизни и нет механизмов, которые обеспечили бы данное участие. В связи с этим первый вопрос: какие вы видите механизмы непосредственного участия интеллектуальной элиты в политической жизни общества? Второй вопрос касается той ниши, которая сейчас пустует — ниши общественных организаций, которые выполняют посредническую функцию между обществом и властью. Возможны ли в современном обществе такого рода организации, в которой бы состояли политически активные граждане, молодые люди?

Стризов А. Л.: Для начала я хотел бы уточнить, что говорил не столько об интеллектуальной элите, сколько об элите экономической, информационной и управленческой. Говорить об интеллектуальной элите, я имею в виду элиту науки, культуры, необходимо уже потом. Как советовали в свое время волгоградским предпринимателям: создавайте региональное движение предпринимателей, защищающее ваши интересы. Следовал один ответ: а мы знаем, сколько, кому и куда надо занести. Занесем и все проблемы решим. А потом пришел мэр, имя которого здесь называли, и выяснилось, что «занести» стало нельзя, берут у других. Предпринимательское сообщество вдруг поняло, что оно ничего-то и не может. Значит, в первую очередь необходимо, чтобы управленческая и экономическая элита региона была активна. Форма активности может быть любая — можно действовать через депутатов, через различные экспертные и консультационные органы, через всевозможные клубы. Например, в Томском университете действует интеллектуальный клуб, куда прихо-

дит губернатор, представители правоохранительных органов. Клуб активно влияет на общественное настроение в городе. Повторюсь, форма активности может быть любая, важно, чтобы она была действенная, чтобы туда входила власть, а представители профессионального сообщества высказывали идеи. Я думаю, в первую очередь необходимы профессиональные организации архитекторов, врачей, учителей и т. д. Через профессиональное сообщество можно разговаривать с властью. Главное, чтобы сообщество имело консолидированное мнение.

Вопрос: Есть идея о проведении референдума по оценке деятельности президента, Государственной думы и т. д. Как вы считаете — может ли референдум выработать справедливое мнение?

Стризов А. Л.: Если говорить о макросоциальном уровне, об уровне страны, мне кажется, что референдум — это не лучшее изобретение демократии. При помощи референдума Гитлер пришел к власти, при помощи референдума была принята Конституция 1991-го года, эффективность которой постоянно оспаривается. Если говорить о референдуме в городе, то это хорошее средство выявления общественного мнения, оно полностью работает. Где строить дома, где организовать зоны хранения отходов, где устроить парки и т. д. — по этим вопросам референдум работает, Вы абсолютно правы.

Птичникова Г. А.: Еще один вопрос. Прозвучало предложение приглашать власть на встречи с общественностью. А наша власть готова к таким встречам? У меня сложилось впечатление, что она не то что не готова, но всячески избегает каких-либо контактов с сообществами. И вот последний случай — передача управления землей города Волгограда региону. Все было сделано одним росчерком пера, а спросить, согласны ли жители этой земли, не потрудились.

Стризов А. Л.: Отвечаю на первый вопрос о том, готова ли власть ко встречам с общественностью. Хочу сказать, что во власти есть разные люди, в том числе те, кто готов к диалогу. Что касается нового губернатора, у него есть недостатки, о них я говорить не буду. Но у него есть и достоинства: во-первых, он реалист, во-вторых, переговорщик. Он готов вести переговоры, он умеет их вести, особенно если ему надо, а ему надо, поскольку нужна легитимность и контроль над регионом. Он уже осознал, что есть проблемы, о которых надо знать общественное мнение, которые другими средствами не решишь. Поэтому я здесь осторожный оптимист, хотя чуда, конечно, не жду. Что касается истории с землей, тут много загадочного, но мне кажется, что одна группа чиновников решила взять контроль над земельными ресурсами в свои руки, отобрав этот ресурс у другой группы чиновников. Хочется надеяться, что та группа, в руки которой попал земельный ресурс, является менее криминализованной и распорядится ей с большим толком.

Шелекета В. О.: Есть молодые люди, которых волнует судьба развития и города, и общества. Давайте объединять ученых для того, чтобы они могли как-то участвовать в политической жизни общества. У них всегда было много идей справедливого развития общества.

Беляев М. К.: Уважаемые коллеги, мне кажется, сегодня у нас состоялась полезная встреча. Дискуссия показала, что все равнодушно к проблеме справедливости. Я считаю, что нужно поблагодарить Бориса Александровича, предложить расширить круг участников круглого стола. Давайте проведем следующую встречу в более широком формате.

Птичникова Г. А.: Борис Александрович, наш круглый стол был интересным. Спасибо и вам, и всем коллегам. Были высказаны разные точки зрения, а для себя я отметила четыре темы. Например, «Город, архитектура и эстетическая справедливость» — тема о внешнем облике города. Мы чуть-чуть ее затронули, но это очень серьезная, специфическая проблематика. Дальше я выделила то, о чем говорил Вячеслав Эдуардович Коваль, — историческую справедливость, символическую или даже мистическую. Тема крайне интересная, необычная, эмоциональное вступление док-

ладчика убедило, что в ней есть какая-то правда, которую нужно найти. Третье — это экологическая справедливость. Мне кажется, тема экологии сейчас должна выйти на передний план в связи с неким «прояснением» общественного сознания в этой области. И последнее: я обозначила эту тему «Почему Волгоград — город, в котором не хочется жить?». Когда спрашиваешь наших выпускников: «Скажи, пожалуйста, кто-то уехал из вашей группы?», отвечают, что уехало процентов тридцать-сорок. «А те, кто остались, хотят жить здесь или у них нет возможности уехать?» — «Конечно, все хотели бы уехать». Это все потому, что молодое общество уже устало от тех проблем, о которых мы с вами говорим. Несправедливость не меняется годами. Кажется, что не видно просвета.

Артюхович Ю. В.: Уважаемые коллеги, я уже говорила, что попытки восстановления социальной и экологической справедливости должны быть предприняты в контакте с властью. Если мы не будем пытаться это делать, то очень многие проблемы останутся нерешенными. И поэтому предлагаю создать рабочую группу, написать обращение к губернатору. Я понимаю, что обращение ждет трудная судьба, но если этого не делать, то все останется как есть. Будем стучать в эту дверь. Я очень рада, что здесь собралось много творческих людей. Если вы поддержите нас в социальных проектах, мы будем очень рады.

Навроцкий Б. А.: Итак, уважаемые коллеги, давайте подведем черту. Во-первых, хочу поблагодарить всех за участие в работе круглого стола. Многие участники дискуссии высказали пожелание сделать встречи систематическими или, по крайней мере, периодическими. Легче всего организовать такие встречи на базе журнала «Социология города», потому что мы мобильны, можем быстро принимать решения и быстро их исполнять. Я надеюсь, мы выполним это пожелание. Хочу также проинформировать, что мы подготовим специальный выпуск журнала, посвященный круглому столу «Справедливый город». Все ваши выступления опубликуют. Еще раз спасибо за участие в работе.

24 апреля 2012 г.

УДК 316.334.56

А. Л. Стризо

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК ПРИНЦИП
ОРГАНИЗАЦИИ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА**

Город как социальное явление рассмотрен с позиций цивилизационного подхода. Ресурсное, нормативно-институциональное и коммуникативное пространство города представлено как объект муниципального управления и властного воздействия, целью которого является обеспечение дистрибутивной, эгалитарной и процедурной справедливости. Рассмотрены разные аспекты справедливой организации управления городом.

Ключевые слова:

город,
социальное пространство,
цивилизация,
дистрибутивная, эгалитарная,
процедурная справедливость,
муниципальная власть,
управление.

A. L. Strizoe

**JUSTICE AS A PRINCIPLE
OF A CITY CIVILIZED SPACE
ORGANIZATION**

The article deals with the notion of city as a social phenomenon and a form of settlement in terms of civilized approach. Resource, communicative, normative and institutional space of a city is represented as an object of municipal power and authoritative influence aimed at provision of distributive, egalitarian and procedural justice. Various aspects of just organization of city management are considered.

Key words:

city,
social space,
civilization,
distributive, egalitarian,
procedural justice,
municipal power,
authority.

Согласно традиции, восходящей к классикам философии, идея справедливости интерпретируется как эгалитарный (уравнительный) и дистрибутивный (распределительный) принципы организации отношений между людьми. Сегодня к этим вариантам интерпретации присоединяется и актуализированная Дж. Ролзом идея процедурной справедливости. Эти три «измерения» справедливости раскрывают свое содержание и смысл лишь в соотношении с макромасштабами социального пространства. Собственно сама идея справедливости получает разработку у Аристотеля как рефлексия социальной организации, преодолевшей границы локальных общественных связей эпохи варварства и культурной архаики и вступившей в эпоху цивилизации. Вместе с этим преодолевается локальное пространство деревни как господствующей формы расселения и создается принципиально иная пространственная поселенческая городская среда. Масштаб, острота и проблематика сегодняшнего дискурса справедливости могут быть осознаны как в контексте глобального кризиса современной цивилизации, узловыми точками которого стали современные мегаполисы, так и применительно к сложившейся в современной России ситуации наложения незавершенной индустриальной модернизации и проявляющихся в мегаполисах постиндустриальных тенденциях.

Если исходить из того, что цивилизация возникает лишь на основе достаточно развитой системы общественного разделения труда, воплощенной в специфической совокупности технологий и порождающей универсальный характер социальных связей индивидов и общностей, то обсуждение проблем города неминуемо связывается с анализом фундаментальных технико-технологических, экологических, демографических, поселенческих оснований общества, воздействующих и на повседневность образа жизни, и на организацию макросоциального целого. В то же время, как справедливо подчеркивает В. С. Мартыянов, «представления о справедливости уходят корнями в ту сферу существования общества, критические и аналитические рассуждения о которой табуированы» и касаются глубинной социально-политической аксиоматики, скрепляющей общество и не позволяющей ему

распасться [1]. Таким образом, рассмотрение проблем городских сообществ и социальной справедливости предполагает построение дискурса, базирующегося на таких предельно общих категориях социального анализа, как пространство, время, власть, управление, личность, общность. Затрагивая вопросы организации отношений между индивидами и общностями, дискурс справедливости охватывает технологическую проблематику, равно как и проблематику распределения общественных благ, принадлежащую, в то же время, к сфере цивилизационного дискурса. Отчасти поэтому мы полагаем, что пространство цивилизации, а значит и городское пространство, совпадают с пространством социального бытия справедливости и могут быть представлены в единстве ресурсного, институционального и коммуникативного измерений.

Первое из них обнаруживает себя в масштабе деятельности, благодаря системе технологий охватывающей не только природные, но и человеческие ресурсы. Результатом этой деятельности, с одной стороны, выступает расширенное воспроизводство и накопление общественных богатств и благ, сконцентрированных в городах, которые превращаются в центры технологических инноваций. С другой стороны, таким результатом является воспроизводство человека не просто как работника производства, а во всем богатстве его социокультурного содержания. Развивая способности и потребности индивидов, формируя новые группы и интересы, ресурсное пространство превращается вместе с тем в пространство распределения общественного богатства и благ, в пространство признания и реализации многообразных притязаний, где каждый стремится найти ресурсы для собственного развития. В этом пространстве дистрибутивный аспект справедливости раскрывает свой стимулирующий, ограничивающий и организующий потенциал, становится необходимым моментом власти и управления. В российских условиях одним из самых болезненных и опасных для общества проявлений проблем дистрибутивной справедливости является децильный коэффициент, фиксирующий недопустимо высокий разрыв в доходах наиболее и наименее состоятельных групп населения и открыто демонстрируемый в

Об авторе:
Стризов Александр Леонидович —
доктор философских наук,
профессор,
Волгоградский государственный
университет,
strizoe@yandex.ru
Strizoe Alexandr Leonidovich —
Doctor of Philosophy, Professor,
Volgograd State University

крупных городах. Другим бросающимся в глаза феноменом нарушения дистрибутивного баланса влияния являются многочисленные проявления монопольного обладания отдельными гражданами и группами не только утилитарно-экономическими, но и информационно-коммуникативными ресурсами развития, исключая даже номинальное участие в принятии решений и управлении со стороны других групп и большинства горожан. В практике городского управления ощутимо и не соответствующее дистрибутивной справедливости отсутствие дифференцированного подхода в определении стратегии развития и финансировании отдельных городских территорий, что не позволяет сократить различия в уровне и качестве жизни между депрессивными и процветающими городскими территориями.

Второе измерение пространства фиксирует масштаб организации деятельности людей, позволяющей им осуществлять систематический взаимный обмен не только товарами и услугами, но и информацией, осваивать новые профессии, менять и сочетать разные сферы деятельности, переходить от производства к рекреации и управлению. Прежде чем распространиться на все общество, новая организационная структура, представленная в виде системы социальных институтов, формируется и совершенствуется в локальных пространствах городов, создавая единую для всех индивидов сеть норм, правил и процедур. Уравнивающая справедливость предстает здесь как система унифицирующих индивидов правовых норм, универсальных по масштабу и неформальных по механизму действия стандартов поведения, всеобщих культурных традиций. Культурно-психологическим выражением такой стабильности и гарантий устойчивости индивидуального бытия является формирование и функционирование городской идентичности, объединяющей разные по уровню жизни и социальному положению слои населения. Городская идентичность как предмет гордости и выражение социального престижа возникает именно на основе равных возможностей доступа к общественным благам города, равной причастности к ценностям городского образа жизни. Создавая в городском пространстве общие для всех возможности действия, обмена ресурсами и информацией, уравнивающая справедливость обозначает тем самым минимальные границы общего консенсуса, гарантирующие порядок, взаимную безопасность и предсказуемость.

Если распределительная справедливость связана с реализацией властно-управленческих функций, обеспечивающих динамизм социума и его изменения, то уравнивающая справедливость воплощает в себе способность власти и управления гарантировать стабильность. В современных российских городах низкий уровень цивилизованности ощущается, прежде всего, в устаревших нормах и стандартах потребления социальных благ на душу населения, которые может гарантировать городская власть. Еще одним проявлением дефицита цивилизованности можно назвать невозможность обеспечить равный доступ к таким общепризнанным благам современной городской жизни, как качественные услуги ЖКХ, хорошие дороги, экологическая и транспортная безопасность, разнообразная среда рекреации и образования. Серьезное отставание в развитии городской инфраструктуры общего пользования характерно даже для российских мегаполисов, исключая Москву и Санкт-Петербург. В итоге недостаточно высокое качество населения, отсутствие современной социальной среды не позволяет российским провинциальным

городам-миллионникам не только скреплять социальное пространство страны, интегрировать человеческий и культурный капитал, но и быть центрами модернизации общества [2]. Мы оставляем за пределами данной статьи важнейший аспект цивилизационного пространства — уравнивающей справедливости — правовой, требующий соблюдения единого для всех режима законности.

Третье — коммуникативное — измерение пространства цивилизации, а вместе с ней и города, представляет собой масштаб многообразных форм общения, практик взаимодействия индивидов и групп. Постоянно изменяющееся число акторов, многообразие режимов и форм общения, опосредованность и интенсивность отличают городское пространство коммуникации, позволяют говорить о его особой роли в консолидации и мобилизации общества. Коммуникативное пространство оказывается пространством поиска процедур разрешения конфликтов, достижения компромисса, поддержания консенсуса — одним словом, установления справедливости. Сложность устройства и функционирования коммуникативного пространства города проявляется в его неоднородности: приватные сегменты взаимодействия здесь соседствуют с публичными, неформальные — с формализованными, пространства прямого действия, непосредственного персонифицированного контакта — с пространствами опосредованного, организованного представительства. Именно здесь с учетом многомерности городских коммуникаций формируется режим городского управления, представляющий собой, по мнению К. Стоуна, «формальные и неформальные соглашения, на основе которых общественные органы и частные интересы действуют вместе для принятия и исполнения решений» [3, с. 326]. В условиях информационной революции, когда тенденция к возвышению потребностей выражается не просто в растущем спросе на информацию, но и в стремлении постоянно, а не от случая к случаю высказывать свое мнение, участвуя тем самым во власти и управлении, «в понятии режима учитываются не только “инсайдеры”, но и разная степень приверженности горожан принимаемым решениям, и то, как именно с ними консультируются» [3, с. 327]. Гибкость режима городского управления состоит в его способности сочетать в себе разные формы участия, разные степени влияния, создавая тем самым разные дистанции между властью и управлением, городскими общностями и отдельными гражданами. Можно с большой долей уверенности предположить, что участники столичного протестного движения «За честные выборы» были движимы не столько желанием пересмотреть итоги конкретных выборов, сколько стремлением обрести широкие и гарантированные возможности гражданского участия, в том числе и в вопросах организации жизни городского сообщества.

Показательно, что проблема многообразия форм участия, поставленная в свое время в американской социологии города, весьма актуальна для современных российских мегаполисов. В ситуации, когда общим местом стали жалобы исследователей и практиков на пассивность и равнодушие граждан, данные социологов Екатеринбурга показывают, что не только негативные, но и позитивные установки граждан на сотрудничество с властью можно ранжировать [4]. Во-первых, даже в экстремальной для выживания и благополучия среде 1990-х — начала 2000-х гг. от 10 до 13 % опрошенных постоянно следили за действиями городских властей и были информированы о состоянии

дел. Это создало пусть не широкую, но достаточно устойчивую базу для налаживания информационного диалога и активизации граждан. Во-вторых, у городской власти больше шансов найти взаимопонимание с населением в приоритетных для обеих сторон сферах деятельности. Ими могут быть, например, совершенствование работы учреждений здравоохранения, развитие дорожного хозяйства и городского транспорта или строительство новых детских садов — то есть сферы устойчивого повседневного взаимодействия власти и населения. Не случайно 12 % опрошенных в Екатеринбурге хотели бы поддержать усилия властей по борьбе с преступностью и наркоманией личным участием [4, с. 29]. В Волгограде форму гражданской инициативы приобрело движение матерей дошкольников, готовых, возможно, содействовать городской власти в решении проблемы детских садов. Широкую известность получило движение автомобилистов, пики активности которого совпадают с громкими ДТП. В итоге мы имеем в качестве промежуточной ступени на пути к устойчивой гражданской активности достаточно широкую почву для спонтанных, но от этого не менее значимых «движений одного требования». Наконец, в-третьих, до 10 % опрошенных горожан готовы подключиться к действиям властей, если решаемая ими проблема имеет отношение к их работе. Опыт мэрии Волгограда показывает, что работа руководства города с профессиональными сообществами учителей, медиков, работников культуры, транспорта, торговли и услуг не только укрепляет доверие к власти и стимулирует рост профессионального мастерства, но и улучшает функционирование различных структур, постоянно работающих с населением, снижает социальную напряженность. Авторитет профессиональных сообществ может быть использован для влияния на основную массу городского населения, для мобилизации общественного мнения и поддержки реализации социальных проектов. Как отмечают уральские социологи, 10—12 % активистов мегаполиса составляют 130 тыс. человек [4, с. 29]. Для Волгограда, исследования в котором подтверждают результаты, полученные в Екатеринбурге, эта цифра составляет около 100—110 тысяч. Этого количества участников городских акций достаточно для достижения видимых социальных изменений.

Как видим, коммуникативное пространство города, рассмотренное в политическом (властно-управленческом) аспекте, предстает как сфера разнообразного участия граждан в принятии и реализации административных решений, затрагивающих всеобщие интересы. Справедливость организации коммуникативного взаимодействия определяется здесь, с одной стороны, готовностью власти прислушиваться к мнению жителей, с другой, — возможностью для последних публично выразить и донести свое мнение до депутатов и чиновников. Однако существует и еще один аспект справедливости организации коммуникативного пространства города. Классики городской социологии формулировали его как соотношение монополии элиты и плюрализма групповых интересов в осуществлении управления городом.

Применительно к теме нашего обсуждения этот спор имеет несколько существенных аспектов. Во-первых, поскольку «власть в городе заключается не только в занятии формальных постов, но и в способности определять, какие темы вообще станут предметом политического обсуждения» [3, с. 320], ее носитель осуществляет влияние посредством организации и направления информационно-коммуникативных ресурсов, роль которых по сравнению с

другими возрастает. В условиях современных городов, когда список накопившихся проблем велик, а экономические возможности их решения ограничены, вопрос выбора приоритетов практически всегда оказывается в поле справедливости. Во-вторых, монополия или плюрализм в контроле над общественными дебатами о справедливости задают тот или иной ракурс обсуждения проблемы, привлекая внимание к одним ее сторонам и замалчивая другие. В городе, где одновременно сосуществует множество разнородных интересов, претендующих на то, чтобы быть услышанными, а все проблемы имеют комплексный характер, это имеет особое значение. В-третьих, монизм и плюрализм управляющих городом интересов в спорах о справедливости связывается с достаточно идеологизированным вопросом о том, кто выступает интерпретатором социальной справедливости. Консерваторы настаивают на авторитете традиции или духовной элиты, либералы возлагают надежды на стихийную игру и конкуренцию сил и выражающих их мнений, социалисты полагаются на всеобщий разум в лице государства или автономную волю отдельных ассоциаций. С учетом современной тенденции к идеологическому синтезу, совпадающей с установкой на достижение компромисса и баланса интересов, можно было бы предложить вариант ограниченного плюрализма, при котором разнообразие позиций общественности и администрации выразилось бы в демократически принятом решении органа городского самоуправления. Ограниченность такого решения в пространстве и времени лишь подчеркивает релятивность большинства интерпретаций социальной справедливости в современных условиях: решая одну проблему, такая интерпретация со временем утрачивает свою обоснованность перед лицом новых дисбалансов и конфликтов интересов.

Нахождение субъекта, способного оптимально для всех групп интересов интерпретировать справедливость, является частью более общей проблемы — устройства и справедливого функционирования городской власти и управления. Ее анализ убеждает нас в интегративном характере коммуникативного пространства города: оно включает в себя его ресурсное (дистрибутивное) и нормативно-институциональное (эгалитарное) измерения. Поскольку современное городское сообщество не может обойтись без известного уравнивания стартовых условий основных групп населения при сохранении мотивации достижений и гарантий их свободной и честной конкуренции, то обеспечение уравнивающей и распределительной справедливости превращается во взаимосвязанные функции управления. Развитие теории и практики демократии убеждает в том, что наилучшим образом выполнять эти функции может элита, сформированная по принципу меритократии, отдающему предпочтение обладателям индивидуальных способностей, прилагающим усилия и получающим публичное признание достигаемых результатов. Для представителей разнообразных сфер деятельности такое признание означает авторитет в профессиональном сообществе, для общественных деятелей — известность и поддержку общественного мнения. Можно согласиться с выводом о том, что управление многими благополучными и динамично развивающимися странами построено на разумном сочетании свободы, меритократии и равенства, а «одна из ключевых задач, которую должно решать современное общество, может быть сформулирована следующим образом: сделать так, чтобы принцип меритократии работал на уравнивание жизненных шансов» [5]. Пред-

ставляется, что этот вывод может быть в полной мере перенесен на городские сообщества. При этом важно, чтобы принимаемые решения были максимально сбалансированы, не вызывали протеста и были приняты гражданами.

Легитимация справедливости здесь возможна в результате переноса на само решение веры населения в авторитет лиц, их принимающих, либо веры в авторитет всего управляющего элитарного сообщества и структур власти. Такая вера в немалой мере основывается на повседневных практиках горожан, а также на их позитивном отношении к процедурам отбора личностей и формирования институтов, управляющих городом. В свете этого нельзя признать удачным эксперимент с введением должности сити-менеджера как основной фигуры муниципального управления в городах, избираемой по конкурсу или утверждаемой депутатами городского представительного органа власти. В условиях сохранения в современной российской политической культуре установки на прямое действие любые процедуры не прямых выборов, как показал опыт утверждения губернаторов по представлению Президента РФ, вызывали массу возражений и не воспринимались как справедливые. Не только в федеральной, но и в региональной российской политике плюрализм интересов элит не трансформируется в демократическое состязание идей и программ в ходе конкурсного отбора, а выливается в борьбу кланов и теневых групп влияния, усиливая криминализацию и коррупцию. Кроме того, реальность российской муниципальной и региональной политики такова, что избранное населением должностное лицо (мэр) помимо текущих технических задач вынуждено выполнять функции стратегического лоббирования интересов города, прежде всего бюджетно-финансовых, для чего необходима широкая электоральная поддержка и доверие большинства населения. Наконец, в городах, где уровень образования и культуры в целом выше сельского, а рост потребностей, в том числе социальных, весьма динамичен, свертывание демократических процедур расценивается общественным мнением как покушение властей на естественные права и свободы граждан и лишь увеличивает протестный потенциал. Модель сити-менеджмента, возникшая в условиях существования стабильного бюджета местных сообществ и развитого демократического контроля над его расходованием, вошла в противоречие с совокупностью социокультурных условий российских регионов, а потому в целом не получила поддержки и была оценена как несправедливая.

Сохранение прямых выборов должностных лиц и органов городского самоуправления является важнейшей предпосылкой не только обеспечения региональной политической стабильности, но и снижения социально-политической напряженности в крупных российских городах. Реализация идеи справедливой городской власти, умеющей слушать голос общества и вступающей в диалог с ним, неотделима сегодня от конструктивного управления растущей гражданской активностью под лозунгом «превентивной демократии», предложенным В. Л. Иноземцевым. «Превентивная демократия, — пишет он, — это система, ориентированная на принятие сигналов от граждан, их усвоение и учет в повседневной политической практике; на инкорпорирование оппозиционных деятелей и использование их энтузиазма в борьбе с самыми очевидными пороками властной пирамиды...» [2]. Действия региональных и муниципальных властей, упреждающие стихийный массовый протест, должны быть ориентированы на обеспечение низового (в районах,

административных округах, малых городах) избирательного права, на борьбу с произволом правоохранительных органов и за независимость судов, уважение прав рядовых граждан, собственников, инвесторов.

Единство трех измерений цивилизационного пространства города проявляется в способности городского сообщества вырабатывать базисный консенсус относительно баланса равенства и неравенства, свободы и ограничений, на основе которого получают бытие иные, не столь существенные локальные социокультурные различия. Этот консенсус не ограничивается сугубо правовой сферой, охватывая фундаментальные традиции, общественную мораль, публичный этикет, то есть сферу, в которой возникает, молчаливо признается и действует совокупность культурных конвенций, воплощающаяся в особенностях городского образа жизни. Именно по отношению к этому двуединому — формально и неформально определенному — пространству согласия определяют свою позицию культурные, в том числе и конфессиональные, меньшинства. Мультикультурализм в своем подлинном смысле слова возможен лишь в том случае, если меньшинства в коренном населении и среди мигрантов готовы к компромиссу, признающему этот базисный консенсус. За его пределами, анализ которых требует отдельного обсуждения, начинается пространство культурного многообразия, этнокультурной и этнокофессиональной автономии. Современный дискурс справедливости с его относительным представлением о равенстве и неравенстве не допускает иного решения.

Как отмечали западные социологи, исследовавшие жизнь городских мигрантов Америки и Франции, внутри самих мигрантов выявлен «внутренний социальный антагонизм между теми, кто понимает неизбежность приспособления к структурам общества, где доминируют белые, и деморализованными агентами неформальной экономики,... живущими по разные стороны этой невидимой границы» [3, с. 398]. Понятно, что долгий путь к такому пониманию справедливости мультикультурализма, пронизанной относительными различиями и допускающей внутреннюю «пунктирную» оппозицию доминирующей культуры и культурных меньшинств, зависит как от внутреннего состояния сообщества, принимающего мигрантов, так и от инкорпорируемых сообществ. Попытка избежать этого пути компромиссов и внутренней самодисциплины неминуемо приводит к насилию, конфликтам и худшим формам геттоизации в городах. Пристальное внимание к осмыслению цивилизационных оснований сосуществования этносов и культур на примере больших городов позволяет нам предположить, что сегодня мы переживаем не кризис идеи мультикультурализма, а болезненное прощание с рационалистическими иллюзиями на этот счет.

Взгляд на управление городом и городскую политику как на практику реализации справедливости в трехмерном пространстве современной цивилизации позволяет выявить новые вызовы и связанные с ними риски для властвующей элиты и всего городского населения. Необходимость осуществления модернизации требует поддержки тех слоев и групп городского населения, которые связаны с передовыми технологиями, могут быть гарантами институциональных инноваций и обладают преимуществами в информационно-коммуникативных взаимодействиях. Проблема состоит в том, что эти слои и группы в силу своего образования, статуса и возраста уже обладают стартовыми преимуществами, и преференции им могут быть восприняты традици-

онными адресатами социальной поддержки как нарушение социальной справедливости. Решение этой проблемы может быть найдено на путях создания новых технологий реализации справедливости, предполагающих не патронат, а стимулирование активной деятельности в приоритетных для городского сообщества областях. Выдвижение на первый план новых граней проблемы безопасности ставит вопросы о справедливости ограничения свободы перемещения в городском пространстве, об особом режиме доступа к объектам общего пользования, о возможностях цензурирования информационных процессов. При этом группы и корпорации, располагающие в городах большими ресурсами, стремятся обеспечить собственную безопасность, не считаясь с интересами большинства. Перед органами власти и управления стоит задача не только разработать прозрачные для массового сознания и потому справедливые технологии обеспечения информационной безопасности, но и определить понятные для граждан и обоснованные приоритеты политики безопасности. По нашему мнению, ориентирами здесь может служить широкое цивилизационное понимание общественных благ как общедоступных ресурсов, технологий, каналов коммуникаций, поддерживающих жизнедеятельность всего городского пространства и обеспечивающих устойчивость общения в нем индивидов и групп. Наконец, возрастающая социальная мобильность в условиях глобализации превращает города в сложные конгломераты различных по культуре общностей, которые к тому же обладают различным адаптационными возможностями. В этом смысле вряд ли может считаться справедливым положение, когда городская власть предлагает им один, унифицирующий сценарий натурализации в новой социальной среде, не допускающий возможности выбора сфер и условий деятельности. Справедливость социальной организации современного города трудно представить без баланса порядка и возможности свободного самовыражения, устойчивой коммуникации и автономии индивидов и групп, асинхронности развития, отражающей их имманентную способность к освоению новых ролей, правил и социального пространства, и гражданской солидарности, консолидирующей городское сообщество. Миссия муниципальной власти и управления — быть гарантом такой справедливой организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мартьянов В. С.* Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Политические исследования. 2006. № 4. С. 62.
2. *Иноземцев В. Л.* Превентивная демократия // Ведомости. 08.06.2012. № 105 (3119).
3. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
4. *Заборова Е. Н.* Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 23—30.
5. *Черныш М. Ф.* Социальная справедливость и ее миражи // Мир России. 2012. № 2. С. 113.

1. *Mart'yanov V. S.* Ob usloviyakh vzniknoveniya teorii spravedlivosti v rossiyskoy politike // Politicheskie issledovaniya. 2006. № 4. S. 62.
2. *Inozemtsev V. L.* Preventivnaya demokratiya // Vedomosti. 08.06.2012. № 105 (3119).
3. *Trubina E. G.* Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 520 s.
4. *Zaborova E. N.* Uchastie grazhdan v upravlenii gorodom // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. № 2. S. 23 —30.
5. *Chernysh M. F.* Sotsial'naya spravedlivost' i ee mirazhi // Mir Rossii. 2012. № 2. S. 113.

© А. Л. Стризов, 2012

*Поступила в редакцию
в сентябре 2012 г.*

УДК 328.320.195.1

**А. Г. Кузнецов,
Л. А. Шайтанова****СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ГОРОДСКОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Рассматриваются социальные проблемы маршрутного такси как специфического постсоветского феномена — частного общественного транспорта. Подчеркивается теоретический потенциал исследования маршрутного такси для социологии города. Социотехнический ансамбль маршрутного такси является полем многочисленных противоречий и конфликтов, среди которых выделяется проблема справедливости.

Выдвигается гипотеза о том, что конфликтность маршрутных такси обусловлена столкновением различных режимов справедливости.

Ключевые слова:

маршрутное такси, общественный транспорт, социология мобильностей, публичное и приватное, справедливость, социотехнический ансамбль, мораль и технология, Люк Болтански, Лоран Тевено.

**A. G. Kuznetsov,
L. A. Shaytanova****SOCIO-TECHNICAL
ASPECTS OF URBAN JUSTICE**

The article concerns social problems of route taxi as a specific post-Soviet phenomenon — private public transportation system. The authors stress theoretical potential of route (share) taxi studies for the urban sociology. Sociotechnical assemblage of route (share) taxi is a field of multiple contradictions and conflict, of which the problem of justice is articulated. At the end of the article the hypothesis is suggested that conflicts in route (share) taxi system are conditioned by juxtaposition of different regimes of justification.

В постсоветской социологической литературе часто говорится о трансформации российского общества. В этих рассуждениях если и поднимаются проблемы справедливости, то они увязываются с нормативной структурой социальных отношений, ценностными ориентациями или национальной идеологией. Куда реже о справедливости говорят в контексте технологических инноваций. С другой стороны, когда речь идет о технологических изменениях, в фокусе исследователей, как правило, оказываются так называемые «высокие технологии», которые в повседневной жизни обнаруживают себя в виде ультрамодной бытовой техники, гаджетов и разнообразных цифровых средств коммуникации. Момент появления этих спутников человеческой жизни обычно более или менее артикулирован, освещается новостями, окрашен эффектом новизны, первоначального, хотя и недолгого, удивления, восхищения или недоумения. Далее речь пойдет о практических проблемах справедливости в контексте одной социотехнической инновации — микроавтобуса ГАЗ-32212. Запуск этого автомобиля в серийное производство в середине 1990-х сделал возможным появление в Волгограде МТ как средства массовой перевозки пассажиров.

В своем исследовании проблемы справедливости в контексте социотехнической системы МТ авторы опираются на эмпирические данные, полученные в результате: 1) включенного наблюдения в салонах МТ Волгограда, проводившегося одним из авторов с сентября 2011 г. по май 2012 г.; 2) рефлексии собственного опыта авторов в использовании МТ; 3) опроса ближайшего окружения авторов о преимуществах и недостатках МТ на основе стихийно складывающейся выборки ($n = 72$). Авторы признают, что данных, полученных ими на настоящий момент, недостаточно для разработки полноценной социологической концепции МТ и формулировки выводов о проблемах справедливости, возникающих в рамках этой транспортной системы. Однако они также убеждены, что имеющиеся в их распоряжении эмпирические материалы позволяют дать социологическое описание МТ в первом приближении и выдвинуть эвристическую гипотезу, направляющую и стимулирующую

Key words:

route taxi (share taxi),
public transportation,
sociology of mobilities,
public and private,
justice,
sociotechnical assemblage,
morality and technology,
Luc Boltanski,
Laurent Thevenot.

щую дальнейшие изыскания проблем справедливости в контексте городского пространства в целом и МТ в частности.

В дальнейшем изложении мы обсудим ряд проблем. Во-первых, попытается ответить на вопрос о том, почему исследование МТ является интересным для социолога. Во-вторых, артикулируем связь социотехнического ансамбля МТ и проблематики справедливости/несправедливости в Волгограде.

Почему маршрутное такси интересно для социологического исследования? Современные общества являются автомобильными культурами. Организация городской жизни сегодня одновременно и опирается, и ориентируется на различные системы транспортировки людей, вещей, информации. Транспортные системы являются одной из «опор» «здания» социального порядка в современных городах. Транспортные системы задают различные формы мобильности. Вместе с тем транспортировка может осуществляться в разных режимах мобильности, которые пересекают границы этих форм.

Мы можем представить себе градиент режимов мобильности. На одном полюсе этого градиента, «южном», где тепло и комфортно, будет режим, в котором проблема перемещения человека из одной точки физического пространства в другую решена до такой степени, что громадное количество человеческих и нечеловеческих усилий, поддерживающих эту форму мобильности, совершенно скрыты от глаз пассажира. У пользователей транспорта, работающего в таком режиме, возникает ощущение податливости пространства, они не встречают почти никакого сопротивления на пути из пункта отправления в пункт назначения, даже если они разнесены на значительное расстояние, они «будто бы» и «в действительности» перемещаются без усилий. Этот режим мы назовем режимом непроблематичной мобильности.

На другом полюсе, «северном», где холодно и дуют суровые ветра, находится режим мобильности, в котором переход из одной точки пространства в другую, даже если они находятся совсем близко, крайне проблематичен, опасен и не гарантирован. Участники транспортировки,

Об авторах:

Кузнецов Андрей Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Волгоградский государственный университет, socio-polit@mail.ru

Kuznetsov Andrey Gennadevich — Candidate of Sociology, Docent of Department of Sociology, Volgograd State University

Шайтанова Людмила Андреевна — студентка, Волгоградский государственный университет, shaytanova@yandex.ru

Shaytanova Ludmila Andreevna — Student, Volgograd State University

осуществляемой в таком режиме, прикладывают огромные усилия, чтобы добраться до цели путешествия, и переносят на себе все тяготы движения по протяженной материи ландшафта. Это — режим проблематичной мобильности¹ [2—4].

Системы городского ОТ (в особенности те, что связаны с массовой перевозкой людей), несмотря на то, что предлагают различающиеся между собой формы перемещения, очевидно, тяготеют к режиму «непроблематичной мобильности». Будучи несущими конструкциями социального порядка в современном городе, они вскоре после своего возведения и ввода в эксплуатацию хотя и продолжают оставаться на самом виду, на как бы пропадают из вида, становятся для своих пользователей чрезмерно очевидными, неинтересными, непроблематичными.

Поездка на работающем в штатном режиме ОТ может быть настолько бессобытийна, что само средство перемещения ускользает от нашего внимания. Чем надежнее транспортная система, чем в большей степени мы можем позволить себе виртуально быть во время поездки где-то еще, в «конечных мирах значений» [5] (воспоминаниях, мечтах, воображении, снах), тем меньше у нас повода говорить о том, что произошло во время поездки, поскольку ничего не произошло. В англоговорящих странах о таких поездках говорят: «No events» [2, с. 173]. Стабилизированные, отлаженные, бесперебойно работающие социотехнические ансамбли, как правило, дают мало информации о принципах своего создания, эксплуатации, существования. Такую информацию сообщают о них сбои, поломки, дисфункции [6].

В качестве образов перемещения в режиме «проблематичной мобильности» нам следует представить первопроходцев, продирающихся сквозь чащу незнакомой им местности, отрефлексировать собственный опыт похода в горы или, возможно, блуждания в незнакомом нам городском или природном ландшафте, подумать о том, как люди с ограниченными возможностями передвижения «шаг за шагом» преодолевают пороги, ступени, бордюры, чтобы просто «пойти погулять», а также вспомнить о том, как годовалые дети, падая и поднимаясь, преодолевают, к радости своих родителей, первые сантиметры комнатного пространства. Режим проблематичной мобильности актуален и для систем ОТ, однако, как правило, только на стадии их проектирования и разработки. Такие путешествия, в отличие от поездок в режиме непроблематичной мобильности, крайне событийны, требуют от нас предельного внимания и интереса к происходящему вокруг (иначе мы рискуем сгинуть в пути), каждый ход в них несет информацию о способе и направлении дальнейшего движения.

Описанные режимы мобильности суть не веберовские чистые типы, но крайние точки на непрерывной шкале. МТ интересно для социального исследователя тем, что, будучи разновидностью ОТ, гораздо ближе других транспортных систем Волгограда расположено к «северному» полюсу на градиен-

¹ Понятия «проблематичного»/«непроблематичного» режимов мобильности не являются общепринятыми и используются исключительно в инструментальных целях данной статьи. Однако сама идея различения таких режимов взята из [2]. Выделение состояния, в котором всякое перемещение является крайне трудным, позволяет не принимать мобильность как нечто само собой разумеющееся и сосредоточиться на работе, необходимой для организации любой формы мобильности [4].

те режимов мобильности. Поездка на МТ может быть событийной, нерутинной и требовать от ее участников значительно большего вовлечения в сравнении с поездкой на любом другом традиционном ОТ (трамвае, троллейбусе, автобусе).

МТ не только требует от пассажиров и водителей огромного объема работы и больших усилий по поддержанию порядка, делающего поездку успешной, но и делает эту работу видимой. Происходит это в результате того, что в ходе поездки регулярно происходят небольшие сбои, конфликты, споры, в которых усилия акторов по организации, поддержанию и восстановлению порядка становятся очевидными. МТ интересно тем, что «нормальным» состоянием работы этой транспортной системы является состояние, близкое к дисфункции или поломке. Рутинное функционирование этого социотехнического ансамбля, в отличие от других транспортных ансамблей, информативно в отношении того, как конструируется и поддерживается социальный порядок в городской среде.

Если социальный порядок других транспортных систем Волгограда может иногда натурализоваться, обретать черты естественного положения дел, то мир МТ — это «конструктивистский рай» (или «ад») [7]. Если в случае традиционного ОТ может иногда казаться, что порядок перевозки организуется сам собой, без нашего участия, и что это единственно возможный и необходимый способ транспортировки, то помос проезда в МТ ни на секунду не позволяет усомниться в хрупкости социального порядка, в нашем прямом и непосредственном участии в его создании и поддержании и в том, что он вполне мог бы быть другим. Перевозка в традиционном ОТ имеет больше сходства с той картиной социального мира, которую рисуют структурные функционалисты. Перевозка в МТ похожа на ту картину, которую предлагают интеракционисты и этнометодологи.

Для социального исследователя МТ интересно тем, что это транспортная система, которая работает на грани функционального и дисфункционального состояния. МТ — это транспорт, ординарное функционирование которого предполагает «интерпретативную гибкость» [8], которая обычно характерна для технологических артефактов и систем на стадии их разработки. В МТ не всегда очевидно, идет ли все так, как должно или что-то пошло не так, является ли та или иная ситуация «нормальной» или «ненормальной». Далеко не всегда понятно, связана эта конкретная неприятная ситуации с произволом водителя или она сложилась помимо его воли.

МТ требует от участников перевозки интерпретировать множество ситуаций. От этих интерпретаций зависит ход перевозки. Водитель интерпретирует жесты пассажиров на остановке (является ли этот взмах руки сигналом об остановке, ему ли адресован этот сигнал). Пассажир интерпретирует жесты водителя («возьму одного человека», «возьму стоя» и т. п.). Он также интерпретирует сложившуюся транспортную ситуацию здесь и сейчас, чтобы определить, каким маршрутом лучше ехать, стоит ли ждать МТ, которое идет по более удобному маршруту, или поехать на первом более или менее подходящем, или поехать с пересадкой. Список ситуаций, требующих непосредственной интерпретации со стороны водителей и пассажиров, можно с легкостью продолжить, и он будет внушительным. Успешные участники перевозки в МТ — искусные практические герменевты, не признающие этого.

«Нормальное» функционирование МТ требует большого интерактивного труда, постоянных переговоров, постоянного ремонта порядка в процессе перевозки, установления взаимопонимания и конвенций, поскольку возникающие ситуации обладают высокой степенью неопределенности и непонятности.

Следует также принять во внимание то, что во время любой поездки в МТ складывается, пусть и недолговременный, коллектив, публика. Эта публика состоит, как правило, из незнакомых друг с другом людей, которые объединены не общими целями, но общей практической ситуацией: некоторое время они должны прожить вместе, чтобы достичь своих индивидуальных целей. Как уже было сказано выше, поездка в МТ требует куда большей интерактивной работы, чем поездка в традиционном ОТ. Члены публики должны вступить во взаимодействие лицом к лицу, установить и поддерживать некоторый порядок на время поездки. Изучение процессов, происходящих в салонах МТ, таким образом, позволит нам узнать многое о моральных основах повседневной жизни в современном российском городе, о самоорганизации граждан в публичном пространстве, а также о микрооснованиях гражданского общества в России.

Как маршрутное такси связано с проблемой справедливости? Мы указали на то, что штатное функционирование транспортного ансамбля МТ связано с множеством моральных и технических «поломок», возникающих в результате многочисленных взаимодействий лицом к лицу, без которых сама поездка была бы невозможна. «Поломки» приводят к разнообразным противоречиям и конфликтам, участниками которых являются пассажиры и водители, непосредственно вовлеченные в перевозку «здесь и сейчас». Конфликты мимолетны и не выходят за рамки ситуации перевозки. Они, очевидно, не подпадают под традиционное определение социальных конфликтов, поскольку в них не участвуют организованные большие группы людей, преследующие четко артикулированные цели. Нельзя сказать также, что эти конфликты являются непосредственным следствием исполнения индивидами своих социальных ролей. Они скорее представляются спонтанными, иррациональными и сугубо межличностными. Однако они регулярны, публичны, эмоционально насыщены, им сопутствуют споры, редко физическое насилие, эмоциональное раздражение, ощущение несправедливости. Все это позволяет допустить, что какова бы ни была природа и форма противоречий и конфликтов в МТ, они могут иметь серьезные социальные последствия, выходящие за рамки ситуации перевозки «здесь и сейчас».

В общественном дискурсе СМИ, как правило, распознаются и обсуждаются следующие проблемы МТ: низкая квалификация, непрофессионализм водителей и связанная с этим проблема безопасности проезда в МТ, а также проблема избыточного количества маршруток на дорогах города. Однако медиа рассматривают МТ как непроблематичный технологический артефакт и не поднимают тех моральных проблем, с которыми, так или иначе, сталкиваются пользователи этого транспорта. В центре внимания данной статьи находятся проблемы справедливости в их связи с социотехническим контекстом МТ.

Итак, непроблематичные, на первый взгляд, МТ создают в Волгограде пространство и отношения, которые носят конфликтный характер и ведут к ряду проблем, одной из которых является проблема справедливости. Фор-

мально и потенциально все платежеспособные пассажиры и все дееспособные водители МТ равны между собой, однако в процессе перевозки между ними могут возникать различного рода неравенства, которые могут представляться им как несправедливые. Опишем ряд ситуаций, которые могут вызывать ощущение несправедливости у пассажиров и водителей.

У пассажиров чувство несправедливости могут вызывать следующие ситуации:

1. В час пик люди, находящиеся на остановках в середине маршрута, не могут уехать (на работу или домой), поскольку все места в салонах МТ уже заняты на конечной остановке.

2. Нерегулярность движения. Пассажиры рассчитывают на определенный график движения, но он не всегда соблюдается. Интервал между маршрутками не гарантирован, это контингентная переменная.

3. Пассажиры сталкиваются с «равнодушием» водителей к тому, что они опаздывают на работу, важное мероприятие.

4. Водитель избирательно отказывает пассажирам в доступе в салон / кабину микроавтобуса.

5. МТ крайне недружелюбно к пожилым, людям с ограниченными возможностями, иностранцам, людям с нестандартным телосложением (очень высоким, слишком полным, крупным).

6. Нестандартизированная тарификация. Во время поездки могут возникать такие ситуации, когда пассажиры едут на разное расстояние, но платят одинаково, либо едут практически на одинаковое расстояние, но платят по-разному. Помимо этого могут существовать различия в тарификации на одном и том же маршруте.

7. «Право сильного» и нарушение очереди при посадке в МТ. На тех остановках, где очередь не формируется, точное место остановки МТ остается неопределенным, и пассажиры могут испытывать недостаток ловкости при «ловле» маршрутки и посадке в салон.

Это перечисление, несомненно, может быть продолжено. Ясно, что эти ситуации имеют разное происхождение и одни из них воспринимаются острее, чем другие. Однако их объединяет то, что они приводят к фактическому ситуативному неравенству между формально равными пассажирами, чем могут вызывать у них чувство несправедливости.

Для водителей источником ощущения несправедливости могут быть следующие ситуации:

1. Неравномерность пассажиропотока. В некоторые отрезки дня пассажиров чрезмерно много, а в другие их крайне мало и водитель вынужден ездить с пустым салоном и нести убытки.

2. Непредсказуемость пассажиропотока. Например, коллеги водителя по маршруту, работающие с ним в одно и то же время, набирают людей, а он — нет.

3. Недисциплинированность пассажиров: поздно голосуют, поздно или тихо называют остановки, ошибочно голосуют и останавливают микроавтобус, «неправильно» закрывают дверь.

4. Крупные деньги. Пассажиры один за другим оплачивают проезд крупными купюрами, так что в результате у водителя не остается мелких разменных денег, чтобы давать сдачу другим пассажирам.

Список несправедливых ситуаций в перспективе водителей также может быть продолжен. Показательно, однако, что МТ как транспортная система в целом может представлять несправедливой для совершенно разных акторов, вовлеченных в ее работу (пассажиров, водителей, владельцев микроавтобусов).

Описанные выше ситуации вполне могут привести к тому, что Люк Болтански и Лоран Тевено называют «критическим моментом», когда человек говорит: «Все, с меня хватит! Так больше продолжаться не может! Я не собираюсь это терпеть!» [9, с. 66—67]. За этим может последовать критика других участников поездки, оправдание собственных действий и намерений и дальнейшее выяснение отношений.

Частое повторение подобных ситуаций может привести к формированию критической, негативной установки в отношении всего комплекса взаимодействий, связанных с проездом в МТ, что, в свою очередь, лишь увеличивает вероятность конфликтов.

Гипотеза. Тщательное описание и анализ актуального протекания споров, возникающих в процессе перевозки на МТ, являются и необходимым, и чрезвычайно интересным направлением дальнейшего исследования в этой области. Однако цель этой статьи иная: предложить эвристическую гипотезу конфликтности пассажирских перевозок посредством МТ. Наиболее продуктивным теоретическим ресурсом для формулирования такой гипотезы, на наш взгляд, является прагматический подход Болтански и Тевено [9—13]. В своей концепции французские социологи перенесли акцент с дискуссии о метафизических принципах справедливости на практические процессы оспаривания и установления справедливости в конкретных конфликтных ситуациях. В результате в центре их внимания оказались режимы критики и оправдания. Болтански и Тевено также подчеркнули в противовес предшествующей им социологической традиции Пьера Бурдьё, что представители одной и той же социальной группы для обоснования и поддержания справедливости могут обращаться к разным порядкам ценностей в зависимости от ситуации.

Принимая во внимание обозначенную теоретическую перспективу, гипотеза авторов состоит в следующем: конфликтные ситуации, возникающие в МТ, вызваны тем, что эта форма мобильности представляет собой социотехнический ансамбль, в котором сталкиваются различные режимы оправдания, различные основания установления / восстановления справедливости. Столкновение режимов оправдания обусловлено тем, что МТ представляет собой гибрид публичного и частного, в нем сочетаются противоречивые черты общественного и частного транспорта.

Попытаемся несколько развернуть предложенную гипотезу. Объемы статьи позволяют лишь схематично перечислить признаки общественного и частного транспорта, соединяющиеся в МТ.

Признаки общественного транспорта. Главной отличительной чертой традиционного ОТ является его стандартизированность. В этом отношении МТ обладают фиксированным маршрутом, а также фиксированной (хотя иногда и варьируемой) ценой проезда. МТ, как и другие виды ОТ, предполагает коллективную, публичную поездку согласно заранее установленным правилам. Кроме того, МТ могут воспользоваться все желающие проехать по данному маршруту, круг этих желающих неограничен.

Признаки частного транспорта. Главным отличительным признаком частного транспорта является его гибкость. Здесь следует заметить, что, хотя некоторые из перечисленных ниже практик могут рассматриваться как нарушение установленных формальных правил перевозки в МТ, они, тем не менее, являются актуальными способами организации этой формы мобильности, используемыми водителями и пассажирами. В плане гибкости МТ предоставляет возможность посадки-высадки практически в любой точке маршрута. Водители могут некардинально менять маршрут, объезжая «пробки» по другой улице или по обочине, не доезжая до конечной остановки, чтобы не брать пассажиров, едущих от конечной до конечной. Нередко микроавтобусы находятся в собственности водителя, поэтому он может начинать или заканчивать работу по своему усмотрению. Водитель может избирательно ограничивать доступ к салону / кабине МТ. Кроме того, водители могут устанавливать индивидуальные требования к открыванию / закрыванию двери, объявлению остановок, тарификации отрезков маршрута, передачи денег для оплаты проезда. Дизайн и топология салонов маршруток нередко обладают индивидуальными особенностями. Несмотря на то, что поездка в МТ носит коллективный характер, она не предполагает анонимной толпы пассажиров. Возможно, именно гибкость и текучесть в сочетании с одновременным присутствием стандартизации, присущей традиционному ОТ, и вызывает чувство несправедливости, которое, в свою очередь, ведет к конфликтам в МТ.

Если принять во внимание, что водитель маршрутки нередко является ее собственником, то гипотетически микроавтобус для него — своего рода дом на колесах, где он хозяин². В то же время этот дом является средством производства, источником дохода. Водитель сдает свой мобильный дом во временное пользование пассажирам, позволяет им некоторое время пользоваться его благами (сидениями, скоростью, тонировкой, защищающей от палящего солнца, крышей, укрывающей от дождя, печкой, согревающей в мороз). Допуская пассажиров в свой «дом», водитель-хозяин требует от них бережного к нему отношения, соблюдения установленных им правил. Для него в этом мире существует иерархия. Водитель поучает, критикует пассажиров, информирует их о правилах проезда именно в этом отдельно взятом транспортном средстве, а не в МТ вообще.

Для пассажиров МТ гипотетически является ОТ, где должны быть четко установленные общие / универсальные правила проезда, разграничивающие права и обязанности перевозчика и пассажира. Эти правила устанавливают равенство между всеми участниками транспортировки, хотя они и исполняют разные роли. В ОТ водитель рассматривается как необходимый обслуживающий персонал, личность которого не значима для перевозки. В этой связи разнообразные требования водителей МТ, выступающие условиями транспортировки, представляются пассажирам как произвольные, зависящие от

² Метафора «дома на колесах» является общей для всей культуры автомобильности [14]. Вместе с тем, авторам известны случаи, когда водители используют микроавтобусы как временные жилища, поэтому в отношении МТ выражение «дом на колесах» не только метафора. Идея МТ как домашнего анклава в публичном пространстве позволяет также использовать различие «режимов вовлеченности» [15].

личности водителя, контингентные и потому «необязательные» для исполнения. Необходимость выполнять «необязательное», установленное индивидуальным водителем правило, вызывает ощущение несправедливости и влечет за собой споры.

Заключение. Помимо главной гипотезы, данная статья имеет более общий посыл, который можно резюмировать в виде трех взаимосвязанных тезисов: 1. Существует неразрывная взаимосвязь между технологиями и моральной организацией повседневной жизни города. 2. Проблемы, возникающие в работе транспортных систем города в целом и МТ в частности, должны быть предметом интереса не только транспортных и дорожных инженеров, городских планировщиков или органов, контролирующих дорожное движение, но также социальных и гуманитарных ученых. 3. Функционирование МТ в Волгограде в качестве системы массовых пассажирских перевозок предполагает сложный комплекс социотехнических проблем, который не может быть редуцирован, как это представляют СМИ, к проблемам «непрофессионализма водителей» и «перегруженности дорог». МТ, несмотря на свою тривиальность, ставят нас перед множеством важных вопросов, среди которых можно выделить следующие: «Что значит быть человеком в современном городе?», «Как сделать городское пространство справедливым?», «Каковы социальные и политические последствия переопределения границы между публичным и приватным в городской среде?»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Shaping Technology // Building Society : Studies in Sociotechnical Change / Edited by Wiebe E. Bijker and John Law. Cambridge, Massachusetts ; London : The MIT Press, 1992. Pp. 1—17.
2. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // Common Knowledge. Winter 1997. Vol. 6. № 3. Pp. 170—191.
3. Serres M., Hermes V. Le passage du Nord-Ouest. Paris : Minuit, 1980.
4. Кузнецов А. Г. Чикагская школа социологии города: к идентичности через границы // Социология города. 2010. № 3. С. 57.
5. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. № 2. С. 3—34.
6. Bijker W. Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change. Cambridge, Massachusetts ; London : The MIT Press, 1995. P. 50.
7. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей / под. ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. С. 169—199.
8. Bijker W., Pinch T. The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology might Benefit Each Other // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14. № 3. Pp. 339—441.
9. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66—83.
10. Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 84—111.
11. Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 88—122.
12. Вагнер П. Вслед за оправданием // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 112—129.

13. *Kharkhordin O. V.* Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевето // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32—42.
14. *Sheller M., Urry J.* Mobile transformations of “public” and “private” life // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20. № 3. Pp. 107—125.
15. *Thevenot L.* L’action au pluriel : sociologie des regimes d’engagement. Paris : Editions la Decouverte, 2006.

1. *Shaping Technology // Building Society : Studies in Sociotechnical Change / Edited by Wiebe E. Bijker and John Law.* Cambridge, Massachusetts ; London : The MIT Press, 1992. Pp. 1—17.
2. *Latour B.* Trains of thought : Piaget, formalism and the fifth dimension // *Common Knowledge*. Winter 1997. Vol. 6. № 3. Pp. 170—191.
3. *Serres M., Hermes V.* Le passage du Nord-Ouest. Paris : Minuit, 1980.
4. *Kuznetsov A. G.* Chikagskaya shkola sotsiologii goroda: k identichnosti cherez granitsy // *Sotsiologiya goroda*. 2010. № 3. S. 57.
5. *Shyuts A.* O mnozhestvennosti real'nostey // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2003. № 2. S. 3—34.
6. *Bijker W.* Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change. Cambridge, Massachusetts ; London : The MIT Press, 1995. P. 50.
7. *Latur B.* Ob interob"ektivnosti // *Sotsiologiya veshchey / pod. red. V. Vakhshayna. M. : Territoriya budushchego*, 2006. S. 169—199.
8. *Bijker W., Pinch T.* The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology might Benefit Each Other // *Social Studies of Science*. 1984. Vol. 14. № 3. Pp. 339—441.
9. *Boltanski L., Teveno L.* Sotsiologiya kriticheskoy sposobnosti // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2000. T. 3. № 3. S. 66—83.
10. *Teveno L.* Kakoy dorogoy idi? Moral'naya slozhnost' «obustroennogo» chelovechestva // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2000. T. 3. № 3. S. 84—111.
11. *Teveno L.* Ratsional'nost' ili sotsial'nye normy: preodolennoe protivorechie? // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2001. T. 2. № 1. S. 88—122.
12. *Vagner P.* Vsled za opravdaniem // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2000. T. 3. № 3. S. 112—129.
13. *Kharkhordin O. V.* Pragmaticheskiy povorot: sotsiologiya L. Boltanski i L. Teveno // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007. № 1. S. 32—42.
14. *Sheller M., Urry J.* Mobile transformations of “public” and “private” life // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20. № 3. Rp. 107—125.
15. *Thevenot L.* L’action au pluriel : sociologie des regimes d’engagement. Paris : Editions la Decouverte, 2006.

© Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А., 2012

Поступила в редакцию
в сентябре 2012 г.

УДК 72:502:316.752(1-21)

А. И. Макаров

**ПРОБЛЕМА
ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ГОРОДЕ**

Статья посвящена анализу механизма функционирования системы ценностей, характерной для урбанизированных обществ. Затрагиваются проблемы деградации городской среды. Устанавливается их связь с идеей распределительной справедливости.

Ключевые слова:

справедливость,
экология города,
экономика.

A. I. Makarov

**PROBLEM OF
AESTHETIC
AND ECOLOGY JUSTICE
IN CITY**

The article analyzes functioning of the value-system of urban societies.

The main problem investigated in the article is a socio-cultural determinism idea of justice.

Key words:

justice,
urban ecology,
economy.

Об авторе:

Макаров Андрей Иванович — доктор философских наук, доцент, Волгоградский государственный университет

Makarov Andrey Ivanovich — Doctor of Philosophy, Docent, Volgograd State University

Тема городской справедливости заинтересовала меня после одного разговора с сотрудницей кафедры университета. Она употребила словосочетание «справедливость в городе» в связи с тем, что получила командировку в Воронеж и была этому рада. Я спросил: «Чему вы так радуетесь?». Она ответила: «Ну, это первый шаг». Я уточнил: «Первый шаг к чему?» Она ответила: «К тому, чтобы уехать из Волгограда. Ну, вы знаете, все хотят уехать из Волгограда, потому что в городе нет экологической справедливости, к тому же он некрасив». Бескомпромиссная и категоричная оценка нашего города меня удивила, и я решил начать исследование в этом направлении.

Начну с того, что сегодня архитекторы почти не говорят о справедливости или несправедливости планировки города или композиции архитектурных ансамблей. И этому есть свои причины: справедливость — это понятие, связывающее области права, этики и религии, а градостроительная практика и ее субъекты сегодня отринули этические и религиозные ценности, оставшись верными пока только нормам права. Строительство и юриспруденция, забыв об этике, породили в нашей стране антиэкологичную и антиэстетическую градостроительную ситуацию: вырубается зеленые насаждения, хаотически ведется застройка городов, рекламные конструкции превращают улицы в подобие безвкусных декораций, пристройки к фасадам домов, вылезавшие на тротуары, «шанхаизировали» центры городов, все фасады города закрыты рекламными щитами. Однажды на презентации книги о Волгограде у меня возник вопрос: почему все фотографии архивные? Почему нет ни одной современной фотографии? Но ведь их нельзя сделать: все фасады памятников архитектуры закрыты рекламными щитами. В поле видимости нет знаменитого сталинского ампира. Нельзя сказать, что законодатели прямо поощряют эти негативные процессы, но суды и власти зачастую становятся на сторону застройщиков.

Что же происходит? У кризиса профессиональной архитектуры в России есть множество причин, но прежде всего это системный кризис ценностей архитектурного сообщества.

Этические нормы профессиональной деятельности подверглись эрозии. Речь идет об особом феномене городской несправедливости. В книге Д. Харви «Социальная справедливость и город» ставится вопрос о том, почему города стали рассадниками социальных конфликтов в эпоху рыночной экономики [1]. Д. Харви считает, что причиной деградации среды современного города является монопольная власть крупного бизнеса. Политика получения сверхприбылей в кратчайший срок входит в противоречие с принципом стабильного развития общества. О том же писали Р. Сеннет [2], З. Бауман [3].

«Одержимость экономикой» юристов, строителей и архитекторов сделала понятие справедливости недейственным. Справедливость — это принцип, связывающий поступок и его последствия, это связь между смыслом и логикой человеческого действия, как замечает Я. Ассман [4]. Произошел разрыв между декларируемыми смыслами строительной и рекламной индустрий (обеспечение жильем, благоустройство городов, эстетика улиц) и действиями (уплотнение застройки для торговли площадями и постоянное увеличение рекламных площадей).

Идея справедливости, кажется, совсем скрылась под силовым напором дикого рынка. Однако это не так. В общественном сознании современного горожанина присутствует эта архетипическая слитность этического и эстетического, этического и экологического, этического и экономического. И сегодня жители городов переживают вполне классическое чувство несправедливости при уничтожении зеленых зон городов и проведении политики «точечной» застройки. Эстетическая и экологическая деградация визуальной городской среды все чаще и чаще осознается как моральный упадок представителей муниципальных и иных властей [5]. Все это делает крайне актуальной тему городской справедливости.

Чувство несправедливости у населения городов формирует тотальное недоверие к властям. Это масштабная и опасная тенденция. Ф. Фукуяма верно говорит о том, что мир вошел в ситуацию глобального подрыва «фабрика доверия». Это действительно так. И немалую лепту в это вносят архитекторы и строители. Я говорю не о политической, но об эстетической и экологической несправедливости.

Если бизнес заботит только получение прибыли, то это крайне опасно, но еще опаснее, если в это поверит население, ведь тогда даже социально ответственный бизнес долго не будет восприниматься как таковой. Исследования показывают, что у населения сложились представления о бизнесе как разрушителе исторической застройки, например Волгограда, как о временщике, рассматривающем город только как средство для заработка, но не для жизни своих детей. Именно эти настроения учитывали, например, политтехнологи на выборах, когда разыгрывали карту «голосуй только за местных».

Часто можно слышать сетования властей и волгоградской интеллигенции на то, что низок уровень культуры населения, поэтому и рубятся деревья. Влияет ли уровень экологической и риторической культуры на дела в Волгограде? Мой личный опыт показывает, что все сложнее. Приведу пример: мы с семьей культивировали клумбу под окном своего дома. Это способствовало формированию дворовой социальности (которую часто исследуют социологи культуры): нам помогали соседи, таким образом мы наладили междворовые

связи. Но некий банк арендовал первый этаж дома и захотел проложить дорожку через клумбу. Я узнал у районного архитектора, на каком основании будет сделана эта дорожка. Районный архитектор уверила, что клумбу никто не тронет, однако дорожку проложили, и клумба была уничтожена.

Мой вывод неутешителен: общество пока не способно противостоять процессам деградации городской среды, вызванных напором бизнес-среды. Это могла бы сделать только государственная машина, но она тоже не делает этого, так как ее представители одержимы так называемыми «рыночными ценностями», фетишизмом денег.

Экономическая политика властей и входящих во власть профессиональных архитекторов привела к тому, что Волгограде нет ни одного парка, где можно было бы гулять, не слыша шума автострад. Сменяющие друг друга мэры города оставляют после себя в изобилии только так называемые малые архитектурные формы, памятники, которые зачастую входят в противоречие со средой. Волгоград славен своими монументами, увековечившими память о Великой Отечественной войне. Самым знаменитым памятником является архитектурно-монументальный ансамбль «Мамаев курган». Именно память о Великой Отечественной войне, символизируемая этими монументами, вписывает Волгоград в глобальную мировую историю. Однако в последнее время в местной прессе активно муссируется мысль о необходимости смены политики в области символики городской скульптуры. Такая установка связывается якобы с моральной усталостью населения города от тягот памяти о военном прошлом.

В городе устанавливаются памятники, символика которых базируется на образах обыденности, пустоты бытия потребительского общества. Возведены псевдопамятники обнаженным влюбленным, ангелу-хранителю, подкове «Мегафон». На одной из городских магистралей перед рестораном установлена скульптура свиньи. Их формально-юридический статус — «садово-парковая скульптура», но СМИ они ложно интерпретируются как локусы общегородской памяти. Почти все города столкнулись с этой тенденцией: устанавливаются и легализируются под видом памятников реклама товаров, торговых знаков, а также всевозможные личные символы быта (памятник вилке, пельменю, кастрюле и т. п.).

Причины такого положения дел лежат на поверхности — это отсутствие внятной «политики памяти» в городах. При ее отсутствии процессы увековечивания настоящего (историзация) начинают протекать спонтанно. Если в древности попытки увековечить память о себе предпринимали только государственные власти, то в условиях демократизации аналогичные амбиции начинают предъявлять различные социальные группы и даже частные лица. Как пишет Г. Люббе: «...настоящее, знающее подобно нашему, что оно в качестве будущего прошлого станет в будущем объектом исторического сознания, рецептивно организует также и самоотдачу будущему, ориентируясь на предположительную реакцию прошлого в будущем» [6].

Действительно, с помощью возведения новых монументов социальные группы и частные лица стремятся закрепить память о себе. Однако коллективная память имеет границы. Ее объем ограничен, чему способствует зеркальный феномен политики памяти — политика забвения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Harvey D.* Social justice and the city. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1973. P. 50.
2. *Сеннет Р.* Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк // Не-прикосновенный запас. 2010. № 2(70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/-se16.html>. (дата обращения: 13.09.2012).
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. С. 25—27.
4. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 250.
5. *Макаров А. И.* Деграция визуальной среды современного города (на примере Волгограда) // Социология города. 2010. № 4. С. 17—19.
6. *Любе Г.* В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 103.

1. *Harvey D.* Social justice and the city. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1973. P. 50.
2. *Sennet R.* Plot' grazhdanstvennosti. Mul'tikul'turnyy N'yu-York // Neprikosnovennyu zapas. 2010. № 2(70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/-se16.html>. (data obrashcheniya: 13.09.2012).
3. *Bauman Z.* Individualizirovannoe obshchestvo / per. s angl. pod red. V. L. Inozemtseva. M. : Logos, 2005. S. 25—27.
4. *Assman Ya.* Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. S. 250.
5. *Makarov A. I.* Degradatsiya vizual'noy sredy sovremennogo goroda (na primere Volgograda) // Sotsiologiya goroda. 2010. № 4. S. 17—19.
6. *Lyube G.* V nogu so vremenem. O sokrashchenii nashego prebyvaniya v nastoyashchem // Voprosy filosofii. 1994. № 4. S. 103.

© Макаров А. И., 2012

Поступила в редакцию
в сентябре 2012 г.

УДК 711.1

*Г. А. Птичникова***«НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ ГОРОД»:
ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
КАК ОТРАЖЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Рассматриваются вопросы взаимодействия принципа социальной справедливости и конструирования городского пространства. Исследование строится через категории доступности, безбарьерности и сбалансированности общественных и частных пространств в современном городе.

Ключевые слова:
городское пространство,
справедливость,
доступность,
барьер,
граница.

*G. A. Ptichnikova***“UNFAIR CITY”:
URBAN SPACE
AS A REFLECTION
OF PUBLIC RELATIONS**

Interaction of the principle of social justice and the construction of urban space are examined. The study is based through the categories of availability, accessibility and the balance of public and private spaces in a modern city.

Key words:

urban space,
justice,
accessibility,
barrier,
border.

Об авторе:

*Птичникова Галина Александровна —
доктор архитектуры, профессор,
ВолГАСУ*

*Ptichnikova Galina Alexandrovna —
Doctor of Architecture, Professor,
VSUACE*

Архитектуру и городское пространство современная социология справедливо рассматривает как материальное отражение социальных отношений. Насколько же справедливость присутствует в этих общественных взаимодействиях, настолько можно говорить о справедливости или несправедливости города?

Социальное неравенство и расслоение прослеживается на протяжении всей градостроительной истории в пространственном расположении зданий, в их качестве, внешнем облике, в объединяющих разные районы связях. Здания всегда являются важными составляющими внутреннего городского пространства и зримыми характеристиками социального положения жителей. Строительство дворцов для аристократии или элиты общества отражало социальное неравенство не только в социальном, но и материальном архитектурном пространстве. В пространственной структуре города закрепляется то или иное правовое регулирование взаимоотношений. В городе формируется социальное расслоение, фиксируются и разделяются различные социальные роли населения. Эти процессы отражаются в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в сферах деятельности, взаимоотношениях, поведении, образе жизни, одежде и заканчивая фасадами зданий, наличием вокруг них садов и парков или свалок и пустырей. Социальное неравенство может быть отражено различными архитектурными или градостроительными средствами. Оно может определяться организацией разделения и противопоставления функциональных пространств, например формированием особых мест и системы их размещения для выполнения социально-политических ролей определенных групп населения (мест политического взаимодействия властей и т. п.), формированием городской структуры для выполнения социально-экономических функций (рынок, банки, различные финансово-экономические учреждения), разделением мест проживания состоятельных слоев населения и малоимущих, выделением и отделением территорий для лиц с какими-либо ограничениями (этническими, асоциальными), выделением пространства репрессий (тюрем), смерти (кладбищ, крематориев) и др.

Если рассматривать справедливость как требование соответствия между социальной ролью человека и его положением, то очевидно, что развитие общества неизбежно приводит к социальному неравенству. Социальная стратификация общества — это его естественно-историческая линия развития. Но психологически люди воспринимают неравенство как несправедливость и чаще всего ненавидят невидимые, но труднопреодолимые или непреодолимые вовсе социальные границы. Городское пространство, следовательно, само по себе является не только архитектурной производной, но и заключает в себе новый тип пространства — социального, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую структуру общества, основанную на осознании глубоких различий и противоречий между ними. Эти новые отношения выражаются во внутригородской системе расселения, новой топографии города, его планировочной структуре, архитектуре, в которых отражаются разнообразные социальные различия и противостояния между отдельными людьми и между сообществами.

Сразу заявляя об имманентно присущей городу «несправедливости», мы никоим образом не пытаемся заведомо обострить вопрос. Дело в том, что город, его пространственная структура, его архитектура суть отражение социальных отношений, а не антагонистическое противоречие общественному порядку. В тех случаях, когда городская оболочка становилась своеобразным трофеем в результате военных или других насильственных действий, победители либо ее разрушали, либо, что случалось в большинстве случаев, адаптировали под себя, под собственный порядок и уклад жизни. Ю. Лотман подчеркивал, что «смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий), причем и борьба со старыми ритуалами может принимать сугубо ритуализованный характер» [1]. Так, например, получив в наследие города царской России, новое общество Советского Союза, желавшее строить социализм, сразу взялось за их трансформацию. Городское пространство должно было вносить существенную лепту в управление поведением человека, создавать новую социальную сущность жителя города. Революционные идеалы, новизна общественной жизни направляли вектор поиска форм, типов и структур. Новый строй требовал создать новые возможности, места и формы для идеологического воздействия на человека и его образ жизни. В советском градостроительстве в соответствии с этими идейно-политическими требованиями были созданы новые типы символически-знаковых городских пространств. Важные символические преобразования культурного пространства города шли сразу по всем направлениям. Столкновением со старой традицией архитектурной формы стали постройки авангарда. На планировочном уровне осуществлялись попытки реформирования доставшегося от старого строя «тела» города, преобразования его в «соцгород» по новым законам развития.

Через какие архитектурные элементы городского пространства закрепляется социальная несправедливость общественного устройства? Прежде чем ответить на этот вопрос, постараемся определить, в чем может выражаться справедливость городского пространства. Таким образом, исследуя характеристики «пространства справедливости», можно сразу обозначить болевые

точки и узлы, через которые проявляются социальные несоответствия. На наш взгляд, справедливость городского пространства может определяться через следующие базовые категории. Первая — это доступность пространства. В городе всегда имеется ограниченный набор разного рода ресурсов, и принцип социальной справедливости должен обеспечивать возможность предоставления равного доступа к этим ресурсам. Однако на практике имеются фундаментальные пространственные ограничения доступа к тому, что считается дефицитом. По этому поводу известный российский исследователь городской среды В. Глазычев отмечает: «...неравноценный доступ жителей города к инфраструктуре и преимуществам инженерного благоустройства резко обостряет вопросы социального неравенства» [2].

Такие ограничения обычно выражаются в дистанциях, опосредованных временем и стоимостью. Попытаемся проиллюстрировать свою мысль на примере Волгограда. Во всех советских городах, в пространстве которых мы проживаем до сих пор, таким ограниченным ресурсом может рассматриваться территория общегородского центра, где сосредоточены лучшие во всех смыслах — как в художественных, так и в функциональных — объекты. Согласно результатам анализа, территории различных российских городов, схема распределения предприятий культуры и досуга, спорта и рекреации имеет ярко выраженный моноцентричный характер. Доступность этого ресурса, выраженная во временном исчислении, может стать тем критерием, которое делит городское пространство на престижные (приближенные к центру) и непрестижные пространства (периферия). Население, проживающее в разных местах города, отличается по степени доступа к необходимым ресурсам и средствам в зависимости от занимаемых ими экономических и статусных позиций. В Волгограде, планировочная структура которого вытянулась на десятки километров вдоль Волги, городской центр является дефицитным ресурсом, который не может использоваться в соответствии с реальными потребностями жителей отдаленных северных и южных районов. Причиной тому является преувеличенный радиус временной доступности, который может, с учетом транспортных пробок, составлять более полутора часов. Таким образом, в Волгограде налицо проявление созданного еще в Советском Союзе социального неравенства, которое только закрепляется в последние десятилетия. Для смягчения ситуации необходимо строительство новых магистралей и организация высокоскоростных видов общественного транспорта. Другим способом решения проблемы могло бы стать формирование системы новых общественных центров общегородского значения. Однако никаких шагов ни в первом, ни во втором направлениях не сделано и не делается.

Необходимо иметь в виду и такой показатель, как стоимость доступа к определенному виду городского ресурса. Например, для богатого человека обычным делом может быть полет в Париж или на курорты Испании или, скажем, катание на лыжах в Андорре. Даже с учетом поездок до аэропортов, перелетов и таможенных формальностей такой человек, живя в Москве или даже в Волгограде, потратит на путешествие столько же времени, сколько на поездку в какой-нибудь отечественный город-достопримечательность. Иными словами, Париж для состоятельного горожанина оказывается ближе каких-либо «туристических магнитов» Заволжья или донских степей. Малоимущий житель имеет возможность ездить, в лучшем случае, в деревню к

родственникам. Андорра от него далека во всех смыслах. Таким образом, очевидно, что социальная несправедливость проявляется и в том, что обеспеченная часть горожан функционирует в ином пространстве, чем обычное население.

Кроме того, не следует забывать и еще об одном российском явлении — фундаментальном ограничении доступа к недостаточным городским ресурсам. Оно видимо проявляется в бюрократических правилах и процедурах, своего рода социальных охранниках, помогающих контролировать городские ресурсы. Примером может служить доступность или недоступность пространства транспортных коммуникаций в городе. В то время как стояние в пробках является обычным делом для рядового горожанина, для чиновников с мигалками и эскортом доступность этого дефицитного городского ресурса всегда обеспечена.

Вторая категория справедливого городского пространства — это его безбарьерность, проницаемость, а следовательно, и общественный контроль. Барьеры в городской среде часто выступают в роли материализованных границ социальных отношений. Барьер может быть четко выраженным на местности в виде заграждающей линии (граница частного владения), а может быть размытым и иметь вид обширной полосы, местности, обладающей низкой проницаемостью (криминогенная территория, военная зона).

Барьеры в городской среде существовали всегда. Одним из первых свидетельств использования градостроительных элементов как социальных барьеров является, например, планировка древнеегипетского города Кахун. Город имел геометрически правильную регулярную планировку улиц, что доказывает, что он создавался по единому плану. Внутригородская стена разделяла западную и восточную части города на две неравные части. В западной части города располагались жилые дома для строителей и рабов, восточную часть города занимали жилые дома привилегированных жителей.

Однако барьеры могут воздвигаться внутри города, когда доступностью пространства жертвуют во имя безопасности. Средневековые среднеазиатские города имели пространственное разделение на кварталы, замкнутость которых обеспечивала его жителям защиту. Перегородив улицу воротами, они превращали квартал в своего рода крепость, препятствуя до известной степени вторжению врагов. Ворота запирались на ночь в целях безопасности жителей. Система защиты территории квартала воротами была характерна не только для многих городов Средней Азии. Известно, что и в арабских средневековых городах между кварталами также имелись ворота, которые закрывались на ночь во избежание перемещения воров по территории города.

Обратимся еще к одному элементу современного города — транспортной инфраструктуре. Магистрали могут выступать в качестве пространственных границ с той или иной степенью проницаемости. Прокладка магистралей и дорог, с одной стороны, способствует связи между определенными зонами, с другой стороны, искажает пространство. Территория города становится неравнопроницаемой в разных направлениях. Железная дорога или шоссе, повышающие проницаемость пространства между двумя крупными узлами, зачастую становятся барьером для местных сообщений. Оживленные магистрали и внутригородские дороги, служащие мощными пропускниками автомобилей, становятся серьезными препятствиями для пешеходов. Магист-

рализация транспорта делает пространство все более неравноправным, но увеличение плотности магистральных путей, развитие подъездных дорог низового уровня вновь выравнивает разные территории. Улучшить ситуацию с равными правами на городское пространство смогло бы создание дружелюбной пешеходу городской среды. Это предполагает создание широких тротуаров и общественных площадей, понижение скорости автомобильного движения, отсутствие многочисленных ограничений в виде различных преграждающих путь постов и т. п.

Несправедливость современного общества наиболее ярко выражается в больших городах, которые являются местом скопления всевозможных препятствий и барьеров, наглядно демонстрируя «социальный вопрос», а также новые типы восприятия и образа взаимодействия, индивидуализации и растущего сознания контингентности, т. е. отсутствия взаимной детерминации участников социальных взаимодействий в городском пространстве. В настоящее время в современных городах большое количество различных барьеров указывает на неблагоприятное состояние общества, всеобщее недоверие и ожидание угрозы и нападения.

Одновременно необходимо отметить и такой факт, как изменение отношения к городу. Город в современном обществе не становится «местом проживания людей с одной благородной целью», как писал Аристотель, а превращается в предмет потребления и извлечения прибыли. Рост современного города определяется застройщиками и различного рода спекулянтами недвижимостью и землей, основная цель которых — увеличение прибыли от строительства. Ограниченные, разделенные, уплотненные пространства, небоскребы офисов, здания банков, торговые центры формируют современный город. Коммерциализация городского пространства влечет за собой многочисленные проблемы, среди которых на первых позициях стоят загрязненность городов, перенаселенность, постоянные пробки на дорогах. Это приводит к таким социальным последствиям, как несправедливость города по отношению к «обычным» жителям. Как результат, происходит рост выступлений отдельных сообществ и неправительственных организаций, что мы видим на примере многих российских городов и, в частности, Волгограда.

В этой связи третьим критерием «справедливого города», на наш взгляд, является иерархическая сбалансированность общественных и индивидуальных (приватных, личных) пространств. Общественное пространство города всегда понималось как общественное достояние, которое устанавливает приоритет коллективных ценностей над частными интересами. В истории высотные доминанты городов всегда представляли собой общественно значимые для горожан здания — храмы, ратуши, залы собраний. В современных российских городах соотношение общественного и частного на глазах меняется в пользу последнего. Частный капитал, в свою очередь, рассматривает городское пространство как средство для получения прибыли, а не ресурс улучшения качества жизни городского сообщества. Городская структура превращается в коммерческое предприятие, нацеленное на извлечение прибыли. Примеры захвата городских общественных территорий можно приводить без труда. Если вновь обратиться к Волгограду, то, возможно, наиболее раздражающим фактором может служить выход за красные линии строящихся новых коммерческих объектов, попытки захватить тротуар многочисленными

входами в торговые заведения на проспекте Ленина или улице Мира. Привокзальная площадь как общественное пространство давно пало под частными интересами владельцев автопарковки, занявшей всю центральную часть площади и около 70 % ее территории. Жертвами коммерческих предприятий в российских городах давно стали парки, скверы и набережные. Яркими примерами в Волгограде служат строительство жилых многоквартирных домов в ЦПКиО, обустройство на проспекте Ленина капитальных построек общественного питания посреди бульвара. Апофеозом торжества частного капитала над общественными потребностями является «оккупация» территории нижней террасы набережной всевозможными питейными заведениями, которые в летний период представляют собой «город в городе», превращаясь в лабиринт из кафе и закусочных на манер полузакрытых китайских базаров в городах российского Дальнего Востока.

Еще одна новая проблема современного города — появление закрытых сообществ (*gated communities* — «золотые гетто» или «резервации для богатых»), пытающихся защититься от криминогенного или экологически опасного окружения. Образно говоря, богатство стремится уйти из города в пригород, оставив проблемы преступности, загрязнения для бедных, живущих в городской черте. С начала 2000-х гг. загородные поселки, построенные по единому генплану и имеющие общее архитектурное решение, получили широкое распространение сначала в Подмосковье, а затем и в других российских регионах. Во всех проектах такого типа использовалась единая градостроительная модель: закрытая, охраняемая территория, обращенная внутрь себя. Основным недостатком таких поселков является изоляция от окружающего мира и отсутствие условий для социализации и общения молодежи. По мнению многих социологов, появление закрытых элитных поселков объясняется ширящимся разрывом между бедными и богатыми. Социальная дифференциация достигла в современном обществе такого уровня, что порождает в представителях высших слоев беспокойство, а с ним и желание обособиться и обеспечить собственную безопасность.

Итак, зададимся вопросом: «А возможно ли найти какие-либо меры по формированию “справедливого города”? Каким может быть хотя бы отдаленный образ такого города в современных российских условиях?» Нам представляется, что основным условием создания «справедливого города» является активное соучастие жителей, их сплоченность в формировании городской среды, своего места проживания. Расширение справедливости городского пространства может опираться на собственный опыт горожан. Кроме того, следует обязательно сказать о теме жилища. Поскольку доступное жилье — важнейший аспект социальной справедливости, в основу ее построения должно быть заложено создание широкого выбора жилых домов разного ценового уровня с различной политикой приобретения жилья.

В заключение попытаемся обобщить сказанное выше. Во-первых, следует отметить, что архитектуру как средство выражения культуры любой исторической эпохи можно рассматривать как своего рода зеркало общественных отношений и социального порядка; архитектура делает их наглядными, представляет и воспроизводит их. Во-вторых, город, в свою очередь, представляет собой особую структурирующую организацию физического и географического пространства, деформирующую природную пространственную структуру

и создающую свою собственную. Эти две теоретические установки как базовые позволили сделать ряд выводов в исследовании природы современного российского города в аспекте его социальной справедливости по отношению к собственным жителям. Итак, в настоящее время обозначились основные доминанты, определяющие городские процессы в нашей стране:

во-первых, сформировались реальные пространственные ограничения доступа к недостаточным городским ресурсам и средствам. Эти ограничения выражаются в дистанциях, опосредованных временем и стоимостью;

во-вторых, возможности населения, проживающего в разных зонах города, сильно отличаются по степени доступа к необходимым ресурсам в зависимости от занимаемых людьми экономических и статусных позиций;

в-третьих, в последнее время усиливается ограничение доступа к недостаточным городским ресурсам, которое выражается во все более разрастающихся бюрократических правилах и процедурах, помогающих властным структурам контролировать городские ресурсы. Эти барьеры обусловлены разветвленной иерархической структурой системы управления и самоуправления (включая государственное, местное, внутрифирменное и т. д.).

Одним из вопросов круглого стола стал вопрос о возможности регулирования городского пространства таким образом, чтобы это согласовалось с требованиями справедливости. Мировой опыт показывает: при осознании как городским сообществом (снизу), так и властными структурами (сверху) невозможности дальнейшего развития в сторону все большего разделения общества и усиления социальной напряженности, такие возможности существуют. Для приостановки негативных городских процессов необходимо работать в следующих направлениях:

увеличивать доступность для жителей ресурсов города (широкий рынок трудоустройства, места отдыха, устойчивая экология, множественность объектов культуры и социальной инфраструктуры);

создавать выбор доступного жилья для различных групп населения;

создавать проницаемость городского пространства, увеличивая таким образом общественный контроль над городскими территориями;

развивать удобный и скоростной общественный транспорт;

соблюдать экологическую справедливость, выражающуюся в доступности для всех горожан садов и парков, природных ресурсов, прибрежных территорий, чистого воздуха и воды;

сохранять историко-культурные основы города, его «генетический код», выраженный в исторических зданиях и памятных местах, для формирования опыта восприятия города жителями и их самоидентификации.

Для Волгограда давно уже пришла пора разработки такого плана преобразования города, для реализации которого сплотились бы широкие массы горожан. Конкретные формы этого проекта зависят от огромного множества обстоятельств, среди которых экономические соображения занимают хотя и важное, но далеко не всегда главное место. При этом необходимо сказать, что существующая форма градостроительной документации (генеральный план) не является тем проектом, который смог найти ответы на вопросы социальной справедливости и улучшения жизни волгоградцев. Главное — это общественное обсуждение, по результатам которого необходимо определить наиболее важные экономические, социальные и экологические аспекты, разрабо-

тать и утвердить стратегию развития города с позиций устойчивых элементов (планировочных, культурологических, социальных), распознать на ранних этапах конфликтующие цели, примирить их между собой и обозначить отправные точки для продолжительного градостроительного планирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Лотман Ю. М.* О семиотическом механизме культуры. СПб : Семиосфера, 2000. С. 485—486.

2. *Глазычев В.* Урбанистика. Ч. 2. М. : Европа, 2008. С. 6 .

1. *Lotman Yu. M.* O semioticheskom mehanizme klytury. SPb : Semiosfera, 2000. S. 485—486.

2. *Glazychev V.* Urbanistika. Ch. 2. M. : Evropa, 2008. S. 6.

*Поступила в редакцию
в сентябре 2012 г.*

© Г. А. Пичникова, 2012

УДК 316.334.56:008(47+57)

Д. С. Ягудина**ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ
СПРАВЕДЛИВОСТИ
СТОЛИЧНОГО ГОРОДА
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
XIX—XX ВЕКОВ**

Статья анализирует такое социокультурное явление, как «петербургский миф», нашедшее отражение в «петербургском тексте русской литературы». Согласно нашей гипотезе, причиной его появления является идея несправедливости столичного города и осмысление страдания мифологическим мышлением.

Ключевые слова:
петербургский текст,
петербургский миф,
мифологическое мышление.

D.S. Yagudina**THE PROBLEMATIC
OF EQUITY
OF THE CAPITAL CITY
IN RUSSIAN CULTURE
IN XX—XIX CENTURIES**

The article analyzes a socio-cultural phenomenon of the "Petersburg myth", which was reflected in the "Petersburg text" in Russian literature. According to our hypotheses, the reason for its emergence was the idea of injustice of the capital city and understanding the suffering of mythological thinking.

Key words:
Petersburg text,
Petersburg myth,
mythological thinking.

Об авторе:

Ягудина Дина Сергеевна —
студентка Волгоградского
государственного университета

Yagudina Dina Sergeevna —
Student, Volgograd State University

Тема столицы российского государства претендует на особую роль как в истории русской культуры, так и в философии урбанистики. Столицы, их жизнь и судьбы овеяны мифами, которые имеют серьезное влияние на формирование отношения к этим городам как самих столичных жителей, так и иногородних. Эти социальные мифы сегодня имеют влияние даже на городскую экономику, например, очевидно, что миф города влияет на туристическую привлекательность места. Поэтому вопрос о научных подходах к метафизике столичного города крайне актуален для многих научных дисциплин. Мы предприняли междисциплинарное культуролого-урбанистическое исследование мифа Петербурга, рассмотрев идею и образ справедливости места. Центральный сюжет, который нас интересует, — это представления о справедливости устройства жизни людей в столичном городе.

Петербург (наряду с такими столицами Руси и России, как Киев и Москва) не раз становился объектом изучения философов, культурологов, литературоведов. Особенно это касается темы «страшной судьбы» Петербурга, «города на болотах и костях». Тема Петербурга нашла отражение в довольно объемном корпусе художественных текстов русской литературы XIX — нач. XX вв., в так называемом «петербургском тексте». Входящие в этот корпус тексты, при всей индивидуальности и независимости друг от друга их авторов, имеют между собой много общего на уровне семантических приемов, фразеологии и лексики. Выявив это общее, мы получим образную структуру мифа города.

Интересующее нас единство образов, мотивов, стилистических и даже синтаксических конструкций этих текстов на первый взгляд может быть принято за плагиат, некритическое заимствование «бродячих сюжетов». По нашему глубокому убеждению, это не так. Отмеченная повторяемость корректно может быть объяснена через термин «интертекстуальность». В контексте идеи интертекстуальности «петербургский текст», собственно, не что иное, как «ансамбль суперпозиций других текстов» (М. Риффатер). Этот ансамбль образов обретает прошлое, «приобретает память» (Ю. Лотман) в результате

функционирования определенного набора повторяемостей в сознании создателей и потребителей «петербургского текста» [1]. В этот ансамбль образов на равных вписаны и топологические, и этические образы: поэтому можно говорить, например, о злом или добром характере Невы, памятников или неба Петербурга. Интересно, что это не только поэтические метафоры, но и вполне устойчивые распространенные убеждения, имеющие влияние на имидж города. Любопытным является случай графини Толстой: она после сильнейшего наводнения в 1824 году, вознегодовав на неосмотрительность основателя столицы, подъехала среди бела дня к памятнику Петру I и показала ему язык. Подобное поведение, стороннему наблюдателю кажущееся необоснованным и абсурдным, является маркером мифологического мышления людей и имеет в своей основе логику, которая может быть понята лишь при условии знания тех философем, что лежат в основе «петербургского мифа».

Дадим с философской точки зрения объяснение этому феномену интертекстуальности, выражающемуся в факте сплавления реальных физических городских объектов и этических пресуппозиций. Укажем на наличие метафизических структур, неких эмпирически неуловимых сущностей, влияющих на сознание и жизнь людей. Описания Петербурга, в отличие от других городов, не ограничиваются топографическими, климатическими, пейзажно-ландшафтными, бытовыми и культурными характеристиками. В них неизменно присутствует ряд философем, отсылающих нас к метафизической структуре «петербургского мифа». Эта структура, по авторитетному мнению В. Н. Топорова, «определяет сверхэмпирические высшие смыслы, то пресуществование частного, разного, многого в общее и цельно-единое, которое и составляет суть высших уровней Петербургского текста» [2, с. 278].

Корпус «петербургских текстов» русской литературы начинается с «Медного всадника» А. С. Пушкина, этот образ становится центральной мифологемой русской литературы и философемой текстов о городе философов и культурологов [3]. А. С. Пушкин «является в той же мере творцом образа Петербурга, как Петр Великий I строителем самого города» [4]. Хронотоп «петербургского текста» строится по принципу пространственно-временной модели фольклорных текстов. В его центре — Медный всадник, памятник основателю, создателю Петербурга и вечный символ особой «городской» космогонии, начала бытия феномена города.

В основании петербургского хронотопа лежит так называемая «историческая инверсия» [5, с. 77]. Сущность этого понятия заключается в том, что мифологическое и художественное мышление локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п. Мифы о Золотом веке, о Рае, о древней правде и т. п. являются выражением этой исторической инверсии. Изображается как уже бывшее то, что должно быть осуществлено в будущем, что является только целью, а не действительностью прошлого. Подобного рода хронотоп отсылает нас к философемам космогонии, эсхатологии и делению пространства на сакральное / профанное, что, согласно М. Элиаде, является признаком мифологического мышления и вписывается в структуру петербургского мифа. Согласно мифу, Петербург окружен хаосом. К сакральному, упорядоченному пространству города все время подступают стихийные силы, грозящие поглотить город. Нева становится символом Стикса.

Миф конца, эсхатологизм является определяющей, главной темой петербургской мифологии. Эсхатологизм — неотъемлемое свойство мифологического мышления, разновидность исторической инверсии. Кроме того, сама реальность города способствовала формированию этой философии. Смертность в Петербурге, прежде всего из-за погодных условий, значительно превышала рождаемость, и население обречено было бы на вымирание, если бы не постоянный поток приезжих, нередко пополняющих численность не столько жителей, сколько покойников на кладбищах. Многие из них не могли адаптироваться к тяжелым климатическим условиям и погибали. Во второй половине века на крупных кладбищах хоронили по 10—20 человек в день, а в некоторые годы — до 40. Таким образом, «Петербург метафорически тоже может быть обозначен как фабрика смерти» [5, с. 285]. Другой исторический факт, оказавший влияние на сознание жителей, — постоянная угроза затопления. За 290 лет существования города он пережил около 270 наводнений, когда вода поднималась на полтора метра выше обычного уровня.

Интересующий нас миф бытовал и продолжает бытовать не только в литературных источниках, но и в городском фольклоре, оказывая влияние на поведение и отношение к городскому пространству реальных жителей Петербурга. Например, первоначальники дельты Невы не строили основательных жилищ, не обременяли себя имуществом; они привязывали свои веревки к дереву, а когда стихия разыгрывалась, садились, взяв с собой необходимый минимум, в веревку и вверяли свою жизнь судьбе, которая нередко выносила их к Дудергофским высотам, как праотца Ноя и его спутников к Арарату.

Подпитанное естественными условиями и происшествиями — высокой смертностью от болезней, постоянной угрозой наводнений, — у жителей города формируется особое сознание, направленное на постоянное ожидание катастрофы, конца, возмездия. Это проявляется как в литературе, так и в фольклорной «низовой» традиции.

Высокая смертность и едва ли не ежегодные наводнения объяснялись местью местных духов, а также божьим возмездием за человеческий эгоизм, который привел к попыткам «преодоления природы», а значит, к попранию справедливости — так, как видит справедливость архаическое сознание: как равновесие, меру, судьбу, нарушение которых влечет за собой космическую катастрофу души города и самочувствия горожан [6, с. 21—32].

«Петербургский текст» представляет собой целую мифологическую систему сюжетов о городе, носителями которой являются как жители города, так и приехавшие из провинции и Москвы переселенцы, которые приобщаются к ней через мифологемы, сюжеты и образы, кочующие в городском фольклоре и отраженные в литературе.

Какова структура мифа Петербурга и соответствующая ей особая форма мышления «мистически» настроенных писателей и горожан? Почему в Петербурге, в отличие от Москвы, появляется эта метафизическая надстройка над архитектурой города, специфический городской миф, породивший огромный комплекс текстов?

Первоначальными элементами мифологических символических классификаций являются не *мотивы*, а *отношения*, проявляющиеся в виде элементарных семантических оппозиций, соответствующих простейшей пространственной и чувственной ориентации человека. В основании структуры мифа

лежит внутреннее напряжение. Инструментом мифологизирования является принцип бинарной логики. В петербургском мифе существует ряд антиномий, структурно его скрепляющих. Одной из них становится идея противопоставления двух столиц — Москвы и Петербурга, нашедшая выражение в двух схемах: неестественный, выморочный, абстрактный, европейский Петербург противопоставляется семейственно-патриархальной, естественной, русской Москве; цивилизованный, культурный, логично-правильный Петербург — хаотичной, противоречащей логике Москве.

«Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он — европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да...

Потому что Невский Проспект — прямолинейный проспект.

Невский Проспект — немаловажный проспект в сем не русском — столичном — граде. Прочие русские города представляют собой деревянную кучу домишек.

И разительно от них всех отличается Петербург.

Если же вы продолжаете утверждать нелепейшую легенду — существование полуторамиллионного московского населения — то придется сознаться, что столицей будет Москва, ибо только в столицах бывает полуторамиллионное население; а в городах же губернских никакого полуторамиллионного населения нет, не бывало, не будет. И согласно нелепой легенде окажется, что столица не Петербург.

Если же Петербург не столица, то — нет Петербурга. Это только кажется, что он существует» [7].

Данная цитата из пролога романа Андрея Белого «Петербург» очень ярко иллюстрирует особое отношение к этому городу, противопоставленному Москве, отражает одновременно представления о его европейской, упорядоченной организации и его мифологической природе. Метафизический образ Петербурга, отразившийся в художественных и фольклорных текстах, плотно сросся с городской реальностью. Возникает иллюзия, что если из нее изъять этот мифологический уровень, то и физический Петербург перестанет существовать.

Другой мифообразующей антиномией является глубокое противоречие между объективными надеждами, связанными с ролью новой столицы в русской истории, и идеей Петербурга как четвертого Рима. Неслучайно Екатерина II в «Размышлениях о Петербурге и Москве» сравнивает предприятие Петра I с переносом столицы с предприятием Константина I, который, переместив в Византию престол империи, покинул Рим, в результате чего римляне не знали, где искать свою отчизну, и, так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало-помалу падали и, наконец, совершенно уничтожились. Подобная дерзость правителя, противопоставленная естественному ходу событий, основание Петербурга, с точки зрения мифологического сознания, несет в себе серьезные риски как на бытовом, так и на историческом уровне. Подтверждение подобной мифологической логике люди находят в тех тяготах и страданиях, что выпадают на их долю, свидетельствующих о несправедливости города и его создателя.

Нам представляется, что ключевой идеей, центром, к которому устремляются образы и сюжеты этого загадочного города, и является идея его несправедливости. «Ужас петербургской жизни», вызванный отчасти высоким уровнем смертности, преступности, скученности населения, голодом, болезнями, — это мифологический сюжет и это ужас метафизический. Понятно, что идея несправедливости имеет свой концептуальный антифон — идею и теорию справедливости, ведь нельзя разочароваться, не очаровавшись. В основе отношения к Петербургу как к городу несправедливому лежит противоречивая эмоционально-идеологическая оценка самой социально- и культурно-политической природы столицы вообще и Петербурга в частности. Действительно, «ни к одному городу в России не было обращено столько проклятий, хулы, обличений, поношений, упреков, обид, сожалений, плачей, разочарований, сколько к Петербургу, и Петербургский текст исключительно богат широчайшим кругом представителей этого “отрицательного” отношения к городу, отнюдь не исключающего (а часто и предполагающего) преданность и любовь» [2, с. 257].

Вокруг Петербурга возникает своеобразная идеологическая рознь, и притом не между двумя лагерями — сторонниками и противниками — а внутри одного сознания почти каждого жителя и приезжего. С одной стороны — объективное признание Петербурга единственным цивилизованным, упорядоченным, культурным, европейским городом в России, с другой — субъективное переживание того, что нигде человеку не живется так тяжело, как в Петербурге.

Петербург как столица, как единственный европейский город России, как культурный центр манит и притягивает россиян и иностранцев. Процент пришлого населения в нем был огромен. Однако за Петербургом закрепляется идея онтологически укорененной несправедливости, основанная на сложных условиях жизни и закреплённая в мифологическом сюжете о жестокости создания и создателя города. В самом основании города лежит зло. «А зло состояло в нарушении законов природы, здравого смысла, человеческой жизни, говоря в общем, — справедливости, какой она выступает на природном и социальном уровне» [2, с. 300]. Поэтому человек, приезжающий в Петербург, живущий в этом городе, должен быть готов к страданию, боли, несправедливости, смерти.

Подобное противоречие приводит носителя мифа к желанию защититься от истории, воспринимаемой им как цепь неизбежных, неумолимых, неконтролируемых событий, обладающих какой-то автономной, не зависящей от его интересов ценностью, которые способны лишить его личного счастья. Он бессилён противостоять им.

Исследуя корпус текстов «петербургского мифа», мы видим, что происходит также и снятие нестерпимого для психики любящих свой город противоречия в отношении к городу; происходит примирение с логикой невыносимо тяжелых условий жизни жителей этого города. Как происходит это снятие?

Мышление носителей «петербургского мифа» во многом подобно мифологическому мышлению архаического человека. М. Элиаде пишет, что для человека, принадлежащего к одной из традиционных культур, страдание, независимо от его природы и причины, всегда имеет смысл, совпадает с установленным порядком вещей, ценность которого не оспаривается. Речь

идет о страданиях глобального характера, вызванных такими причинами, как стихийные катастрофы, социальная несправедливость и т. п. Противостоять подобным факторам человек не в силах, и единственный способ смириться и вынести эти страдания — придать им особый, сакральный смысл [8]. Это описание структуры мышления архаического человека, на наш взгляд, вполне подходит к истории формирования «петербургского мифа». Анафемы и проклятия городу, заявление о его несовместимости с творческой, мыслящей личностью, да и вовсе с жизнью, обращаются идеями придания страданию высокого, позитивного духовного смысла, постоянным ожиданием справедливого возмездия и эсхатологического исхода, появлением специфических ритуальных комплексов, направленных на избавление от страдания (жертвоприношение), и других мифологических мотивов.

Страдания, с одной стороны, представляют собой справедливое возмездие за совершенный Петром I, основателем города, злой акт надругательства над природой и человеком, воспринимаются как последствия поступка в прошлом, неизбежное зло, которое следует прекратить любым возможным способом. С другой стороны, они являются для жителей города благословенными и возвышенными, некоей искупающей жертвой, платой за существование порядка в городе как сакральном пространстве. Страдания выступают и как фактор, способный отсрочить эсхатологическое завершение космологического цикла. С помощью действий и событий, которые внешнему наблюдателю кажутся абсурдными, страдания утверждают акт веры, люди готовы погибнуть ради своих убеждений и своих надежд на высшее предназначение Петербурга. Описываемое явление довольно широко представлено в русской литературе и эссеистике, следы его можно найти в письмах и путевых заметках. Подобное осмысление страдания и жертвенности характерно для христианской культуры вообще.

Таким образом, можно констатировать, что метафизический конфликт между представлениями об исторически значимой роли Петербурга для России и идеей несправедливости столичного города порождает интереснейший культурный феномен, нашедший отражение в литературе и городском фольклоре. Создание структурированной мифологической системы является результатом попытки «спутанного сознания» жителей города снять идеологическое противоречие. С этим связана антиномичность структуры мифа, объясняющаяся особенностями мифологического мышления и бинарной логикой как неотъемлемой частью человеческого мышления как такового. Создание мифа, в котором происходит наделение страданий высшим сакральным смыслом, является своеобразной защитной психологической реакцией, терапией, нацеленной на сохранение психической целостности личности горожанина в условиях тщетных попыток противостоять истории в борьбе за справедливость.

Резюмируя, можно отметить, что такой идеологический (и даже иллюзорный с точки зрения социологии и этики) факт, как существование особой социальной несправедливости столичного жизнеустройства, объективно тяжелые условия жизни в сочетании с идеологическими установками о высшем смысле и благе столичного города образуют продуктивный конфликт идей или, как говорит П. Рикер, «конфликт интерпретаций». Этот конфликт интерпретаций порождает фольклорно-мифологическую систему, а также со-

путствующий ей вид мышления горожан, которые легли в основу создания грандиозного по своей значимости для русской культуры и философии города корпуса литературных и фольклорных текстов о Петербурге. Изучение его структуры и специфики функционирования — важная задача урбанистики, литературоведения, философии культуры и культурной антропологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всемирная энциклопедия: Философия. М. : АСТ, Харвест, Современный литератор, 2001. С. 422.
 2. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
 3. *Федотов Г. П.* Три столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 215—217.
 4. *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. СПб. : Лениздат, 1991. С. 17.
 5. *Бахтин М. М.* Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000.
 6. *Родзинский Д. Л.* Сознание античного мудреца. М. : Аграф, 2003. С. 21—32.
 7. *Белый А.* Петербург. СПб. : Кристалл, 2004. С. 8.
 8. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М. : Ладомир, 2000. С. 230—234.
-
1. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya.* М. : АСТ, Kharvest, Sovremennyyu literator, 2001. S. 422.
 2. *Toporov V. N.* Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeeticheskogo: Izbrannoe. М., 1995.
 3. *Fedotov G. P.* Tri stolitsy // Novyy mir. 1989. № 4. S. 215—217.
 4. *Antsiferov N. P.* Dusha Peterburga. SPb. : Lenizdat, 1991. S. 17.
 5. *Bakhtin M. M.* Epos i roman. SPb. : Azbuka, 2000.
 6. *Rodzinskiy D. L.* Soznanie antichnogo mudretsa. М. : Agraf, 2003. S. 21—32.
 7. *Belyy A.* Peterburg. SPb. : Kristall, 2004. S. 8.
 8. *Eliade M.* Mif o vechnom vozvrashchenii. М. : Ladomir, 2000. S. 230—234.

© Ягудина Д. С., 2012

Поступила в редакцию
в сентябре 2012 г.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (скачать бланк <http://vgasu.ru/attachments/ld-blank.pdf> 2) анкеты автора (скачать бланк <http://vgasu.ru/attachments/pdsog.pdf>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт основного текста — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИВОДИТСЯ ДВАЖДЫ. ВО ВТОРОМ ВАРИАНТЕ ВСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ТРАНСЛИТЕРИРУЮТСЯ (пишутся латинскими буквами). Например: *Fedorov I.B. Problemy vysshego inzhenernogo obrazovaniya v Rossii. M. : Znaniye, 2005. S. 13—15.* (Внимание! Не следует переводить на английский язык!). Инструкцию по транслитерации можно скачать здесь <http://vgasu.ru/attachments/translit.pdf>. ЗАПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ПРОСТО ПОВТОРЯЮТСЯ.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство современного города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об **условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала** по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: info@vgasu.ru** (в теме указать: **для Б.А. Навроцкого**).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2012. № 3

Научно-теоретический журнал

Редакторы *М.В. Туровец, М.Л. Песчаная*

Переводчик *М.В. Туровец*

Компьютерная правка и верстка *М.В. Туровец, М.Л. Песчаная*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потоккина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 30.09.2012.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 4,6. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 500 экз. Заказ № 87

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1